

Международное высшее образование

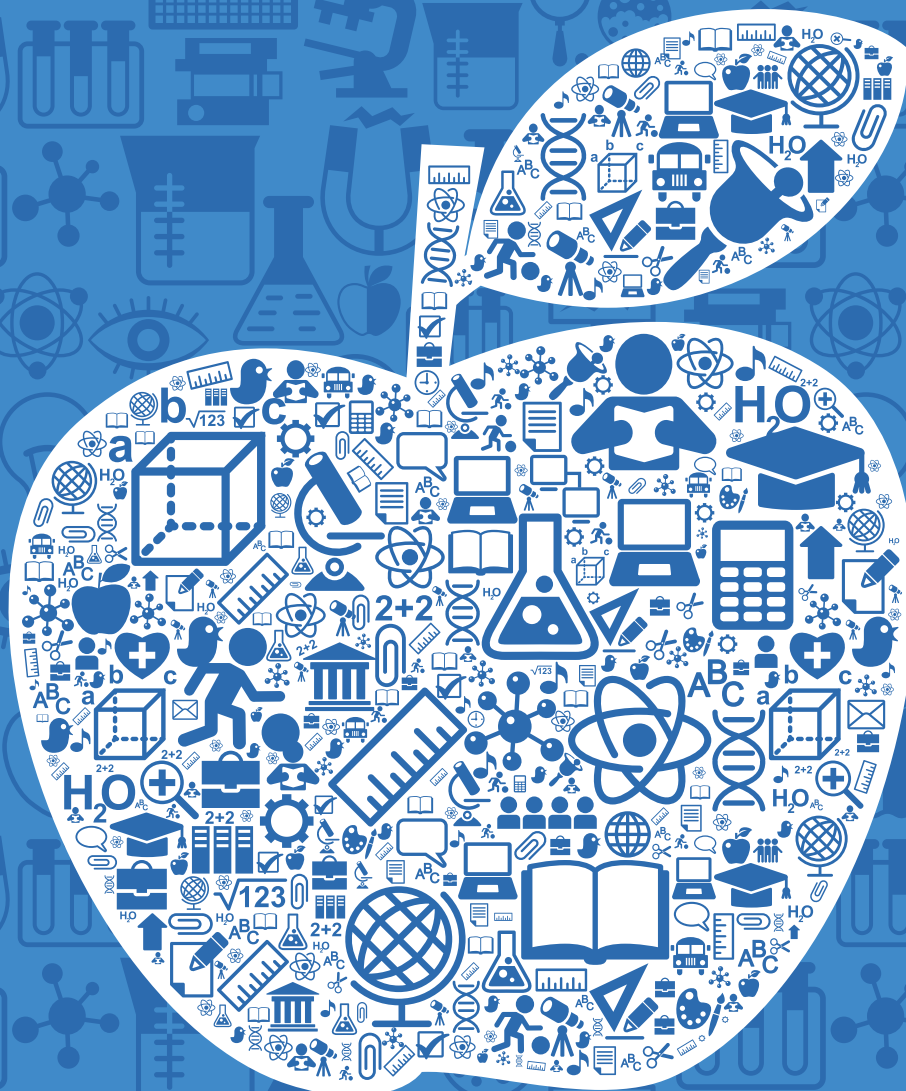
ВЫПУСК

105

Зима

2021

Мир после пандемии COVID-19 Международные вопросы Холодная война в мире высшего образования? Изменения в области подготовки аспирантов Сомнительные практики в высшем образовании Страны и регионы

Русскоязычное издание журнала International Higher Education
(Бостонский колледж, США)

СИНЕ

Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы

в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе Высшей школы экономики функционируют 71 исследовательский центр и 53 международных лаборатории, которые занимаются реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№105 / Зима 2021

Мир после пандемии COVID-19

- 6 Борьба за финансирование и борьба против неравенства после пандемии COVID-19
Ханс де Вит и Филип Альтбах
- 7 Как COVID-19 влияет на неравенство в высшем образовании
Джамиль Салми
- 9 «Футурология» и высшее образование в постпандемийных условиях
Вильям Локк

Международные вопросы

- 11 Разработка системных подходов к повышению качества преподавания
Пол Эшвин
- 13 Информация и рынки в сфере высшего образования
Яня Комленович

Холодная война в мире высшего образования?

- 15 Китай и остальной мир: образовательная холодная война?
Личжоу Ван и Вэнь Вэнь
- 17 Не лучшие времена для научно-технического сотрудничества с Китаем
Энтони Уэлч
- 19 Китайские школьники больше не решаются на учебу в США
Сяофэн Вань
- 21 Высшее образование в Гонконге: переломная точка?
Филип Альтбах и Джерард А. Постильоне
- 23 Перспективы германо-китайского сотрудничества в сфере высшего образования
Марейке Валерс

Изменения в области подготовки аспирантов

- 25 Подготовка аспирантов в разных странах мира
Виктор Рудаков и Мария Юдкевич
- 27 Африка: подготовка аспирантов и проблема ресурсообеспечения
Вондвосэн Тамрат и Гетнет Тизазу Фетене
- 29 Снижение числа аспирантов в Японии: кризис как повод к инновациям?
Юкико Симми

Сомнительные практики в высшем образовании

- 30 Можно ли побороть коррупцию в академической среде?
Лиз Райзберг
- 32 Брать или не брать? Диссертация в Украине как инвестиция
Арарат Леонидович Осипян
- 34 Подложные аффилиации и махинации с показателями эффективности вузов
Вивьен Бачелет

Страны и регионы

- 36 Трагические события в бразильском высшем образовании
Марселу Кнобель и Фернанда Леал
- 38 Французские университеты и международные рейтинги
Людовик Хаймен
- 40 Нирвана еще не наступила: последствия американских выборов для международного высшего образования
Филип Альтбах и Ханс де Вит

Борьба за финансирование и борьба против неравенства после пандемии COVID-19

Ханс де Вит и Филип Альтбах

Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).

E-mail: dewit@bc.edu.

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра.

E-mail: altbach@bc.edu.

Пандемия COVID-19 открыла ящик Пандоры: появилось множество предположений о будущей роли высшего образования и возможных сценариев. С одной стороны — те, кто полагает, что ничего не изменится и после кризиса жизнь вернется в привычный режим. Пока подобные консервативные взгляды представляются более реалистичными, чем взгляды оппонентов, предрекающих революцию, которая кардинальным образом изменит высшее образование. Авторы множества статей, опубликованных в *University World News* и в других изданиях, утверждают, что радикальные изменения не только желательны, но и неизбежны и что необходимо как можно скорее переосмыслить наши представления о высшем образовании.

В призывах к революционным переменам в одном из двух старейших институтов мира (второй — это Римско-католическая церковь) нет ничего нового. Еще недавно многие утверждали, что массовые открытые онлайн-курсы (МООК) преобразуют высшее образование, но этого, конечно, не случилось. Как отмечает Генри Мэнс в статье от 18 сентября 2020 года в газете *Financial Times* (*[The Future of the University in the Age of Covid](#)*), «пандемия, по сути, четко показала, что спрос на то, что делают университеты, есть». Перед началом текущего учебного года власти и руководители вузов европейских и североамериканских стран, а также преподаватели и многие студенты призывали возобновить работу вузов. Онлайн-образование было воспринято как приемлемая альтернатива обычному образованию лишь на короткий период, для борьбы с первой волной пандемии. Стало очевидно, что вузы не просто поставщики образовательных услуг. Вуз — это живое сообщество преподавателей и студентов, существующее даже не столько внутри аудитории, сколько за ее пределами. «Студенты вряд ли готовы тратить

много времени и денег на потребление информации через интернет. Студенты приходят в университет ради общения с интересными людьми, ради вдохновляющих разговоров с преподавателями, ради работы с учеными в лабораториях, ради опыта университетской социальной жизни», — вполне справедливо пишут авторы доклада ОЭСР *Education at a Glance*. И если поначалу многие опасались, что количество студентов, в том числе международных, резко сократится, то, судя по данным на начало текущего учебного года, оно, наоборот, увеличилось. Хотя, конечно, страны и вузы по-разному испытали на себе последствия пандемии. В любом случае во всем этом нет ничего удивительного, поскольку во времена роста безработицы образование часто оказывается привлекательной альтернативой. Ближайшее будущее покажет, верно ли это наблюдение для современной молодежи, в частности для международных студентов.

У возвращения к «нормальной» жизни, безусловно, есть определенная цена. В вузах, вернувшихся к привычному формату обучения или перешедших к очно-дистанционному формату, студенческий энтузиазм привел к многочисленным отступлениям от правил и пренебрежению мерами безопасности, что, в свою очередь, вызвало рост заболеваемости COVID-19. Возобновление учебы в привычном формате произошло в основном в ведущих вузах богатых стран, что способствует усилению неравенства. Вузы всего мира испытывают серьезные финансовые трудности из-за дополнительных расходов, вызванных необходимостью решать проблемы, связанные с организацией работы в условиях пандемии, из-за снижения доходов и, наконец, из-за урезания господдержки. И хотя кардинальные изменения сейчас представляются маловероятными, в силу только что описанных причин возвращение к допандемийному положению дел представляется невозможным. Перемены будут происходить, реформы будут проводиться, но постепенно и с активным вовлечением и учетом мнения студентов, сотрудников и внешних сторон.

Будущее науки

Хотя всерьез исследованиями занимается лишь небольшая доля из примерно двадцати (или даже чуть более) тысяч вузов мира, университетская наука имеет принципиальное значение для сектора исследовательских университетов и для общества в целом. Вузы всего мира сейчас вовлечены в исследования, связанные с пандемией COVID-19, а подавляющее большинство экспертов в области здравоохранения, появляющихся в последнее время в мировых СМИ, принадлежит к профессуре. В целом университетов не касается характерная для многих стран политизация науки, они считаются одними из ключевых участников процесса по решению крупнейшего современного глобального кризиса в сфере здравоохранения. «Развитие международного сотрудничества в мировой науке — это очень хорошо, хотя времена

сейчас трудные», — пишет Саймон Марджинсон в предыдущем, 104-м выпуске «Международного высшего образования». Сейчас в мире запущено около 30 инициатив, направленных на разработку вакцины против нового коронавируса, и все они завязаны на международном сотрудничестве исследователей из разных транснациональных корпораций, исследовательских институтов и университетов, и всем им нужны лучшие специалисты, сложное оборудование и возможности для проведения испытаний в разных уголках света. Это поистине глобальная борьба, что только подтверждает, насколько мы нуждаемся в глобализации науки.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, также показал, что решение этой проблемы — принципиально междисциплинарная задача и что университеты — единственный тип институций, имеющий возможность без труда мобилизовать одновременно представителей естественных и социальных наук. Более того, большинство исследователей, специализирующихся на охране здоровья, работает именно в университетах, и именно академические институты, занимающиеся в том числе вопросами здравоохранения, оказались на передовой изучения различных аспектов COVID-19. Вклад вносят также представители социальных наук, в том числе экономисты, социологи, антропологи и др.

Из-за вызванной пандемией резкой рецессии и без того скудное финансирование науки в странах с низкими и средними доходами, скорее всего, только сократится.

Поводы для беспокойства

Но есть и поводы для беспокойства. Эксперты ОЭСР предупреждают, что, если качество подготовки и количество аспирантов и постдоков после пандемии снизятся, это нанесет науке ощутимый удар, поскольку именно молодые исследователи составляют большинство сотрудников лабораторий. Предсказываемые Дэвидом Мэттьюсом в статье *European universities are set for a stimulus funding bonanza* в журнале *Times Higher Education* от 14 сентября 2020 года финансовые блага для высшего образования представляются относительными. Бюджет Еврокомиссии на науку на 2021–2027 годы будет, скорее всего, урезан с 94

до 86 миллиардов евро из-за подписанного европейскими лидерами соглашения о выделении средств на выход из кризиса. Беспокойство вызывает также националистская политика некоторых стран, затрудняющая международное научное сотрудничество. Среди наиболее ярких примеров — отношения между США и Китаем, отношения между Австралией и Китаем и несправедливое распределение вакцин в ряде стран.

Из-за вызванной пандемией резкой рецессии и без того скудное финансирование науки в странах с низкими и средними доходами, скорее всего, только сократится. Может, только Китай окажется исключением (но главным образом в сфере точных наук) в свете масштабных капиталовложений в исследовательские университеты в последние годы и уже заметных первых признаков экономического подъема. Однако ограничения академической свободы в области социальных и гуманитарных наук представляют угрозу для междисциплинарных исследований.

Пандемия только усугубила неравенство в секторе высшего образования и науки — как среди студентов, преподавателей и вузов, так и между странами. Чтобы переломить негативную динамику, требуются, как писала Синь Сюй в предыдущем, 104-м выпуске «Международного высшего образования», «структурные изменения, долгосрочное видение и серьезная готовность работать со стороны ученых, вузов и правительств разных стран мира».

.....

Как COVID-19 влияет на неравенство в высшем образовании

Джамиль Салми

*Джамиль Салми — международный эксперт по высшему образованию, научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: jsalmi@tertiaryeducation.org.*

Хотя пандемия COVID-19 внесла неразбериху в жизнь и богатых, и бедных стран, с особенно серьезными трудностями столкнулись студенты — представители различных меньшинств. В странах, где интернет все еще не стал массовым, а широкополосные сети плохо развиты, возможности учиться онлайн ограничены. В силу нехватки ресурсов и отсутствия у преподавателей нужного опыта вузам стран с низкими доходами пришлось прилагать огромные усилия, чтобы обеспечить дистанционное обучение.

Непосредственный эффект и виды реакции

- **Закрытие вузов и переход к онлайн-образованию.** Степень готовности вузов существенно варьировалась как внутри стран, так и между странами. Вузы развивающихся стран столкнулись с проблемами недостаточно развитой информационно-технологической инфраструктуры и неравного доступа к интернету.
- **Воздействие на студентов.** Суматоха, вызванная режимом закрытием вузов и стремительным переходом к онлайн-обучению, нарушила привычный образ жизни студентов по всему миру. Особенно серьезный удар пандемия нанесла по студентам из числа различных меньшинств, которые столкнулись одновременно и с серьезными экономическими трудностями, и с проблемами доступа к интернету, и с психологическими переживаниями.
- **Изменения в системе оценки знаний и организации экзаменов.** Многие вузы оказались перед трудным выбором: как оценивать знания студентов онлайн с учетом возросшего риска списывания.
- **Университеты не ступали перед вызовом, брошенным пандемией COVID-19.** К положительным явлениям можно отнести широкий отклик университетов по всему миру на проблему и их готовность предоставить собственные исследовательские и иные ресурсы для борьбы с пандемией. Именно благодаря университетам появился дешевый и быстрый вариант теста на COVID-19. Некоторые университеты делились с больницами оборудованием и занялись производством медицинских товаров, включая оборудование для дезинфекции, и лекарств.

Отложенный эффект

- **Возобновление работы осенью.** В странах, по-прежнему охваченных пандемией, решение об открытии учебных заведений принималось с учетом политических и экономических соображений. В Великобритании и США скепсис относительно опасности COVID-19 и страх перед экономическими последствиями привели к тому, что многие вузы решили положиться на удачу и возобновили работу в привычном режиме, подвергая тем самым здоровью своих студентов опасности.
- **Освоение материала стало хуже, больше студентов не справилось с учебой.** Многие студенты назовут свой учебный опыт за 2019/20 год неполноценным. Пандемия COVID-19 не только негативно сказалась на качестве образовательного процесса, но и привела к распространению психологических проблем среди студентов.
- **Сокращение ресурсов, меняющийся спрос, закрытия и реструктуризации.** Текущий кризис выявил структурные уязвимости используемых

различными странами и вузами моделей финансирования высшего образования. Финансовое выживание частных вузов, полностью зависящих от денег, которые платят международные студенты, оказалось под вопросом. Есть риск, что существенное число студентов, чьи ресурсы ограничены, вообще бросят учебу. Последствия пандемии окажутся особо ощутимыми в странах с низкими доходами, которые всегда мало тратили на поддержку государственного высшего образования, как правило менее 0,5% ВВП.

- **Последствия для науки.** Закрытие лабораторий и введение ограничений на передвижение людей привело к тому, что многие исследователи — за исключением тех, кто может заниматься лабораторной работой и совместными проектами удаленно, — лишились возможности проводить эксперименты или полевые исследования. Все исследовательские университеты озабочены тем, что с большой вероятностью научное финансирование в ближайшие годы сократится. Сокращение не коснется разве что исследовательских программ, напрямую связанных с COVID-19. Статистика по научной продуктивности ученых также показывает, что женщины пострадали от пандемии больше мужчин, что указывает на по-прежнему существующие перекосы в распределении домашних обязанностей.

Меры, принимаемые на национальном уровне

- **Финансовая поддержка.** Власти ряда стран с высокими доходами быстро одобрили пакет антикризисных мер, направленных на поддержку вузов и/или студентов. Однако среди стран с низкими доходами мало кто может себе позволить выделить существенную помощь.
- **Укрепление потенциала и развитие компетенций в сфере коммуникаций и онлайн-образования.** Многие страны постарались улучшить возможности интернет-связи для вузов и студентов. Власти ряда стран Африки к югу от Сахары на национальном уровне вложились в развитие широкополосного интернета через поддержку национальных научных и образовательных компьютерных сетей (NREN).
- **Гибкость в системе обеспечения и оценки качества.** Третий тип мер, принимаемых на национальном уровне, — это повышение гибкости в применении критериев обеспечения качества и методов оценки.

Меры, принимаемые на институциональном уровне

- **Современные подходы к образованию.** Первый шаг к облегчению перевода образовательного процесса в онлайн-формат — организация

интенсивных курсов по работе с цифровыми платформами и эффективным приемам в сфере онлайн-преподавания и онлайн-обучения. Лучше всего подготовлены оказались вузы, которые еще до начала пандемии полномасштабно пользовались электронными системами управления учебным процессом (LMS). Залог успешного онлайн-образования — в согласованности между учебной программой, педагогическими подходами и системой аттестации. Важно также понимать, что онлайн-преподавание — это не когда вы просто записываете традиционные лекции на видео и выкладываете их на сайте вуза. Преподавание онлайн требует использования новых педагогических методов с целью стимулировать активный образовательный процесс и вовлечь в него студентов.

- Многие вузы наконец осознали необходимость **укрепления систем академической и психологической поддержки студентов**, напрямую пострадавших от пандемии и экономического кризиса и с трудом привыкающих к учебе онлайн.
- **Управление после пандемии.** Текущий кризис подверг профессионализм руководителей вузов беспрецедентной проверке, вынудив их быстро принимать жизненно важные решения по защите здоровья членов академического сообщества и обеспечению бесперебойной работы вузов. Кризис показал, как важна честная и прозрачная коммуникация с внешним миром, как важно информировать людей о новых проблемах и трудностях, вызванных COVID-19.
- **Появление новых экономических моделей.** После пандемии могут открыться новые возможности. Может быть, вузы наконец станут всерьез воспринимать зрелых людей как полноправный сегмент целевой аудитории, то есть потенциальных абитуриентов. Популяризация идеи непрерывного образования предполагает также признание первенства интересов учащихся и важности навыков, получаемых на рабочем месте, а также необходимость обслуживать потребности более разнообразной клиентуры. Вузы также могут заняться налаживанием партнерских отношений для реализации программ двойных дипломов, организации совместных курсов и научного сотрудничества. Это позволит более эффективно использовать кадровые и финансовые ресурсы.
- **Восстановление справедливости.** Одной из приоритетных задач для вузов сразу после перевода обучения в онлайн-формат стала помощь студентам с низкими доходами и представителям других уязвимых групп. Финансовая помощь выражалась в возможности получить дополнительный грант, беспроцентную ссуду или бесплатный продуктовый набор. А чтобы преодолеть цифровое неравенство, многие вузы стали дарить студентам компьютеры и другие устройства для выхода в интернет и оплачивать услуги связи.

Текущий кризис подверг профессионализм руководителей вузов беспрецедентной проверке.

Заключение

Никогда еще вузы не подвергались таким испытаниям, как в ходе нынешней пандемии. Кризис выявил нелицеприятные реалии: цифровое и экономическое неравенство напрямую влияет на то, как студенты справляются с последствиями пандемии COVID-19. Но если элитным университетам вряд ли грозят какие-то долгосрочные неприятные последствия, то перед многими другими вузами вопрос финансового выживания встанет довольно остро. Есть риск, что миллионам студентов с ограниченными ресурсами вообще придется бросить учебу.

Раз уж пандемия обнажила масштабы цифрового и социально-экономического неравенства, из-за которого вопиющие различия между странами, вузами и студентами только усугубляются, необходимо принимать на национальном и институциональном уровне меры, направленные на обеспечение справедливого доступа к высшему образованию — в частности, для молодежи из бедных семей, женщин и представителей расовых и этнических меньшинств.

«Футурология» и высшее образование в постпандемических условиях

Вильям Локк

Вильям Локк — профессор и директор Мельбурнского центра изучения высшего образования, Мельбурнский университет (Австралия). E-mail: william.locke@unimelb.edu.au.

*В основу этой статьи легла написанная автором глава книги *Changing Higher Education for a Changing World* под редакцией Клэр Каллендер, Вильяма Локка и Саймона Марджинсона, вышедшей в издательстве **Bloomsbury**. Книга стала результатом работы Центра глобального высшего образования и напечатана при финансовой поддержке Совета по экономическим и социальным исследованиям (ESRC/OFSRE) Великобритании.*

Нет момента лучше хорошего кризиса, чтобы взбудоражить умы людей предсказаниями об альтернативном будущем и новых началах. Пока, по крайней мере, нам говорят, что установятся «новые нормы жизни» и что мир уже не станет таким, каким был до пандемии COVID-19. Впрочем, еще до пандемии многие футурологи, особенно из англоязычных стран, предсказывали различные катастрофические сценарии развития событий в высшем образовании и описывали роль самых разных факторов в подрыве академических традиций, разрушении привычных бизнес-моделей и дезорганизации работы государственных университетов. Некоторые даже предполагают, что все эти изменения поставят под угрозу сами устои высшего образования, его экономическую ценность и общественное значение.

Подобные сценарии обычно основаны на сочетании ряда так называемых деструктивных факторов: изменения в трудоустройстве выпускников; слишком большие ожидания студентов; технологическая революция, включающая в себя широкое распространение онлайн-образования, средств анализа данных и искусственного интеллекта; проблемы, вызванные массовизацией высшего образования и сокращением государственного финансирования; политическая турбулентность; усиление глобальной конкуренции, в частности со стороны частных коммерческих вузов и университетов развивающихся стран. И ко всему этому продвинутые футурологи добавляют еще и становящиеся все более заметными последствия COVID-19 и все связанные с пандемией тревоги.

Нет момента лучше хорошего кризиса, чтобы взбудоражить умы людей предсказаниями об альтернативном будущем и новых началах.

Футурологический дискурс

Футурологи (а среди них много консультантов по вопросам управления, «лидеров общественного мнения» и журналистов) предсказывают всем, кто работает в вузах и управляет ими, будущее, полное стремительных и непрерывных изменений, трудностей и неопределенности. Чтобы справиться со всем этим, управленцам и другим сотрудникам вузов придется приспосабливаться к новым условиям и требованиям времени. В частности, академические кадры будущего должны будут стать более «гибкими», более «мобильными», более «профессиональными» и более «узкопрофильными». Согласно сценарию, опи-

санному аналитиками консалтинговой компании EY (Ernst&Young), большинство ученых и преподавателей вообще станут фрилансерами, которые вынуждены будут работать параллельно сразу в нескольких вузах и в наукоемком бизнесе.

Иными словами, утверждается, что нужно бороться с консерватизмом, зашоренностью, непринятием междисциплинарности и утилитарных знаний, сентиментальным отношением к «малоценным» курсам и, конечно, со слишком медленными по своей природе темпами изменений в государственных вузах. Надо будет разобраться со старыми кадрами, работающими в высшем образовании. Более того, считается, что по счастливой случайности — благодаря глобальной пандемии и ее колоссальному влиянию на жизнь отдельных людей, целых сообществ и институтов — перечисленные выше фундаментальные изменения только ускорятся.

Некорректная методология

Большинство этих самопровозглашенных экспертов в сфере высшего образования опирается в основном на интервью и опросы руководителей вузов, законодателей и других крупных шишек, например руководителей компаний и работодателей. Они редко интересуются мнением простых сотрудников вузов или студентов, не говоря о том, чтобы почитать научные исследования о последних событиях и тенденциях в мировом высшем образовании. Тем не менее подобные футурологические предсказания циркулируют в среде власть имущих и начинают влиять на выработку стратегических и практических решений в вузах, а также на региональном, национальном и глобальном уровне. Так что весь этот дискурс не стоит сбрасывать со счетов как маркетинговые спекуляции; нужно учитывать его прямое и опосредованное влияние на поведение людей и на процесс принятия решений.

Вся эта футурология и предсказываемые ею катаклизмы — это просто карикатура на существующие в государственном высшем образовании модели. Утверждается, что университеты — традиционалистские, застрявшие в двадцатом веке организации, которые ориентируются на академическое сообщество, а не на потребности студентов и клиентов. Говорят, что вузы слишком похожи друг на друга и что заправляют ими старички, не желающие меняться. Футурологи ссылаются почти исключительно на доклады консалтинговых компаний прошлых лет, на законодательные акты и на статьи в СМИ. По большому счету, они просто стимулируют рециркуляцию уже приевшихся, но, откровенно говоря, не выдерживающих аргументированной критики мифов и фольклора.

Эмпирические данные об академической профессии

Одна из тем, доказательств по которой практически нет, связана собственно с работой, которой люди занимаются непосредственно в университетах.

Футурологи не берут во внимание уже готовые исследования об академической работе. К примеру, они исходят из того, что академическое сообщество по-прежнему довольно гомогенно и что подавляющее большинство сотрудников вузов имеет постоянный контракт и занимается и преподаванием, и наукой. Однако исследования показывают, что это не так. С каждым годом появляется все больше исследований о диверсификации академической профессии, о том, какие разные люди приходят в эту профессию (в том числе из других профессий), о различных карьерных траекториях и об эрозии традиционной линейной академической карьеры. Более того, в вузах Великобритании, Австралии и США в последние годы становится все больше сотрудников, работающих на неполную ставку, по временному контракту, сдельно, без права на постоянный контракт, и сотрудников, занимающихся исключительно преподаванием.

Доказательный подход к прогнозированию

В отличие от всех этих футурологов, мы должны начать с тщательного изучения текущей ситуации, опираясь на лучшие современные исследования и на анализ как самых последних, так и более давних тенденций. Подобное исследование должно включать в себя скрупулезный анализ примеров эффективности и успешности, по которым можно было бы составить зачаточные представления о том, как ситуация будет развиваться в будущем. К таким примерам можно отнести финансируемую Евросоюзом программу *Universities of the Future* и программу *21st Century Lab* в Университете Линкольна (Великобритания).

Использование научно обоснованных и итеративных подходов к прогнозированию будущего гарантирует учет более широкого спектра факторов, влияющих на текущие тенденции, включая социально-культурные, политические и экологические факторы (и иногда даже квазиправовые), а также экономические и технологические. Благодаря такому подходу удастся избежать упрощенчества, при котором приоритет отдается определенным видам деятельности и однозначным допущениям, акцентирующим определенные перспективы.

Пандемия как главный деструктивный фактор?

Так что же, стоит ли считать пандемию главным деструктивным фактором? Естественно, она футурологам только на руку. Нам говорят, что «настали беспрецедентные времена». И действительно, сейчас сложилась редкая для высшего образования в целом ситуация, когда сектор сокращается, а многие вузы вынуждены разукрупняться. Однако потрясения случались и раньше: войны, в том числе гражданские, подъем националистических движений, захваты, массовая миграция — все эти явления оказывали огромное влияние на вузы в самых разных уголках мира.

Вузам и раньше приходилось жить в режиме экономии. Например, финансовый кризис 2008–2009 годов привел во многих странах к сокращению национальной системы образования, преподавателям урезали часы и зарплату, следовали сокращения и увольнения — все это ради того, чтобы обеспечить гарантии занятости для оставшегося на своих местах большинства.

Еще нам говорят, что «мы не сможем вернуться к прежнему укладу», однако большинство вузов сейчас озабочено своим выживанием в кратко- и среднесрочной перспективе и не планирует слишком уж сильно менять ни свою бизнес-модель, ни принципы работы — просто из-за страха неудачи. Кризис не лучшее время для выработки новой стратегии, даже если кажется, что старая уже на грани фолла. Когда у вузов были деньги на обновление, им казалось, что им это не нужно, а теперь, когда им приходится модернизировать свою деятельность, у них просто нет средств на управление необходимыми им переменами.

Для консультантов по вопросам управления все это, конечно, плохие новости, потому что сокращение финансирования вузов скажется и на них. Зато, может быть, настало время, чтобы университеты наконец взяли на себя ответственность за собственное будущее.

Разработка системных подходов к повышению качества преподавания

Пол Эшвин

Пол Эшвин — профессор наук о высшем образовании и руководитель отделения образовательных исследований Университета Ланкастера (Великобритания).

E-mail: paul.ashwin@lancaster.ac.uk.

*В основу этой статьи легла написанная автором глава книги *Changing Higher Education for a Changing World* под редакцией Клэр Каллендер, Вильяма Локка и Саймона Марджинсона, вышедшей в издательстве **Bloomsbury**. Книга стала результатом работы Центра глобального высшего образования и напечатана при финансовой поддержке Совета по экономическим и социальным исследованиям (ESRC/OFSRE) Великобритании.*

На системном уровне существует два типа подходов к повышению качества преподавания: в основе одних лежит поиск образцов для подражания, в основе других — картирование. Первые предполагают выявление

отдельных первоклассных профессионалов или образовательных центров, отличающихся высоким качеством преподавания на национальном уровне. Такие подходы используются, например, в Великобритании, Германии, Норвегии, Финляндии и ЮАР. Картирование же предполагает оценку качества преподавания в масштабе целой национальной или международной системы. Два основных примера использования подобного подхода — это ANELO (Международное исследование по оценке результатов обучения в высшем образовании), провалившийся пилотный проект ОЭСР, и английская Рамочная программа по улучшению качества преподавания (TEF).

Эти два типа подходов рассматриваются в данной статье в свете трех вопросов: 1) как определить, что такое качественное преподавание; 2) как измерить качество преподавания; 3) как программы по повышению качества преподавания влияют на результаты преподавания и обучения. На основе сделанных выводов я сформулировал принципы для разработки более эффективных подходов к повышению качества преподавания на системном уровне.

Как определить, что такое качественное преподавание?

При использовании подходов, ориентирующихся на образцы для подражания, качество преподавания, по сути, определяется теми, кто претендует на статус высококлассных преподавателей. Логика такого подхода заключается в том, что кандидаты собирают эмпирические доказательства того, как именно они выполняют свою работу и в чем выражается их первоклассность. Благодаря этому сосуществуют различные понимания того, что считать качественным преподаванием.

При использовании подходов, основанных на картировании, выявляются предполагаемые результаты первоклассного преподавания и на системном уровне оценивается, в какой мере удастся их достичь. К примеру, в рамках TEF вузы оцениваются по ряду показателей, включающих в себя отношение студентов к получаемому образованию, уровень отсева и результаты трудоустройства выпускников. Эксперты по оценке сначала оценивают результаты деятельности вузов по установленному списку параметров, а затем изучают сведения, предоставленные самими вузами в поддержку их притязаний на высокое качество преподавания; при этом показатели вузов по формальным параметрам имеют наибольший вес в их итоговой оценке в рамках TEF.

Ни один из подходов не предлагает конкретно сформулированного определения того, что считать качественным преподаванием, и это признак явственного парадокса. Как программа системного масштаба может претендовать на то, что она выявляет примеры высококачественного преподавания, если она не дает определения этому явлению? Ответ на этот вопрос

заключается в том, что в основе подобных программ — кажущиеся само собой разумеющимися представления о том, что считать качественным преподаванием, и эти представления не привлекают внимания общественности.

Все эти подходы могли бы стать более эффективными, если бы они включали четкое определение качественного образования, согласованное с образовательными целями вузов, и отражали бы вклад преподавателей в успешность обучения студентов. Соответственно, первый принцип в разработке программ системного масштаба по повышению качества преподавания можно сформулировать следующим образом: программа системного масштаба по повышению качества преподавания должна включать определение качественного образования, соответствующее образовательным задачам вузов.

Как измерить качество преподавания?

В рамках подходов, ориентирующихся на образцы для подражания, претенденты на статус высококлассных преподавателей сами предлагают, что считать качественным преподаванием, и самостоятельно собирают доказательства в подтверждение того, как хорошо они работают. Существуют некоторые формальные типы доказательств, например результаты опросов студентов, но претенденты склонны отбирать устраивающие их доказательства и затем объяснять, почему именно эти данные важны и заслуживают внимания.

В основе подходов, строящихся на картировании, обычно лежат традиционные показатели оценки результатов обучения студентов, говорим ли мы о показателях, отобранных в рамках TEF, или о результатах тестирования студентов, оценивавшихся в рамках ANELO. Проблема подобных программ хорошо описывается законом Гудхарта: как только какой-то параметр начинают использовать в качестве индикатора эффективности, он перестает быть хорошим индикатором. И даже если в прошлом этот параметр был сопряжен с качеством, его связь с качеством теряется по мере того, как вузы пытаются максимизировать показатели своей работы. Эту проблему можно решить, сделав упор на параметры, отражающие процессы, а не только их результаты, потому что таким образом мы создаем ситуацию, при которой, чтобы наладить систему, нужно заняться отладкой происходящих в ней процессов, что, в свою очередь, способствует повышению качества преподавания и обучения. Это не значит, что показатели, отражающие результаты этих процессов, вообще не нужно использовать, но они должны быть подкреплены показателями, отражающими процессы, приведшие к этим результатам.

В целом нужна целая линейка различных параметров качества преподавания, отражающих и процессы, и результаты преподавания. Причем (оглядываясь на принцип номер один) эти параметры должны показывать, в какой степени удалось реализовать

качественное преподавание, как оно описано в принятом определении. Таким образом, второй принцип гласит: показатели, используемые в программе системного масштаба по повышению качества преподавания, должны соответствовать принятому определению того, что считать качественным образованием, и должны отражать не только результаты образования, но и образовательные процессы.

В целом нужна целая линейка различных параметров качества преподавания, отражающих и процессы, и результаты преподавания.

Как программы по повышению качества преподавания способствуют оптимизации?

Описанные два типа подходов основаны на разных представлениях о том, как именно они могут способствовать оптимизации преподавания. В основе подходов, ориентирующихся на образцы для подражания, лежит цепная модель изменения, которая предполагает, что если удастся выявить и наградить лучших специалистов, лучшие факультеты или лучшие вузы, то они начнут делиться своими первоклассными наработками и таким образом вдохновлять остальных на самосовершенствование. Но хотя такие программы и помогают подчеркнуть важность преподавания и вознаградить первоклассных профессионалов или целые факультеты, они не способствуют повышению качества повседневных педагогических и образовательных процессов на уровне всей системы высшего образования.

В основе подходов, предполагающих картирование, лежит конкурентная модель изменения, согласно которой лучшие вузы получают поощрение, а остальные стремятся в связи с этим улучшить свою работу, рискуя в противном случае потерять привлекательность для студентов и вынужденно начать закрывать целые образовательные программы. Проблема подобного подхода вот в чем: чтобы оптимизация состоялась, подход должен основываться на точных, валидных и достоверных параметрах качества преподавания и при этом абитуриенты должны учитывать эти параметры при выборе образовательных программ. Но на практике ни то ни другое не так. В предыдущем разделе я уже писал о проблемах с показателями качества преподавания, а исследования неизменно

показывают, что абитуриенты редко пользуются подобной информацией, принимая решение о выборе той или иной образовательной программы.

Напрашивается вывод, что подходы обоих типов опираются на некорректные теории изменений. Для разработки альтернативного подхода можно было бы воспользоваться законом Гудхарта. Если мы включим в рассматриваемые параметры оценку того, в какой степени вузы занимаются деятельностью, действительно (в соответствии с исследованиями) способствующей повышению качества преподавания и обучения, то вузы наверняка и впрямь улучшат свою работу. Опираясь на анализ того, как программы системного масштаба по повышению качества преподавания могут способствовать оптимизации, можно вывести третий принцип: улучшение показателей качества преподавания возможно только путем улучшения педагогических практик.

Информация и рынки в сфере высшего образования

Яня Комленович

Яня Комленович — лектор Ланкастерского университета (Великобритания).

E-mail: j.komljenovic@lancaster.ac.uk.

*В основу этой статьи легла написанная автором глава книги *Changing Higher Education for a Changing World* под редакцией Клэр Каллендер, Вильяма Локка и Саймона Марджинсона, вышедшей в издательстве **Bloomsbury**. Книга стала результатом работы Центра глобального высшего образования и напечатана при финансовой поддержке Совета по экономическим и социальным исследованиям (ESRC/OFSRE) Великобритании.*

Высшее образование во всем мире стремительно коммерциализируется. Однако для того, чтобы образовательный рынок действительно заработал, недостаточно просто изменить законы или ввести плату за обучение. Я написала одну главу о роли рыночных инструментов для недавно опубликованной книги *Changing Higher Education for a Changing World*. Коммерциализация — довольно широкое понятие, включающее очень многое: от ярлыков с указанием цены товара до тележек для покупок, от компьютерных мониторов до программ для анализа данных, от различных схем до рейтингов и т.д. Я изучала инструменты,

связанные с обработкой рыночной информации в области высшего образования. И на четырех примерах я покажу, как именно они влияют на рынок и поддерживают его работу.

Четыре примера

Среди изученных мною инструментов обработки рыночной информации — Unistats (теперь Discover Uni), британский сайт, предоставляющий сведения об образовательных программах для абитуриентов. Второй пример — работа маркетингового отделения Coursera с корпоративными клиентами. Распространяемая специалистами Coursera статистика и то, как они ее «упаковывают» для подачи клиентам, говорит о том, что они конструируют особого рода реальность, в которой качество определяется имиджем и репутацией вузов, а ценность MOOK — монетизируемой полезностью приобретаемых слушателями навыков. Третий пример связан с посредниками из агентств по привлечению международных студентов. Посредники организуют различные мероприятия, которые становятся проводниками рыночной информации для вузов о надежности потенциальных партнеров. Наконец, я изучала статистику и аналитику о рынке труда и востребованных навыках, собираемые специалистами из сети LinkedIn. Алгоритмы LinkedIn используют сетевой эффект для оценки ценности тех или иных навыков для подбора кандидатов на вакансии и для распространения информации о различных образовательных и профессиональных возможностях. И хотя все четыре изучаемых инструмента работают по-разному, между ними больше общего, чем может показаться на первый взгляд.

Инструменты обработки рыночных данных рационализируют поведение акторов

Инструменты обработки рыночных данных обеспечивают акторов готовой информацией, подаваемой в определенной форме. Эти инструменты сами делают подсчеты и проводят сравнения и таким образом предлагают людям готовые варианты решений. Взять, к примеру, рекомендации на LinkedIn о том, кого добавить в свой список контактов, какие образовательные курсы пройти, на какие вакансии подать, — всё это результат работы алгоритмов. Сама природа и внутренняя логика подобных инструментов стала неотъемлемым элементом образовательных рынков, поскольку они оказывают влияние на то, как отдельные люди рассуждают, осмысливают информацию и принимают решения. Мы не рождаемся *гомо экономикус*, но мы им становимся под воздействием описываемых инструментов. Более того, мы становимся *гомо экономикус* определенного рода, а именно людьми, опирающимися на информацию и готовые решения, предлагаемые рыночными описываемыми инструментами.

Хотя инструменты обработки рыночной информации призваны сделать систему более прозрачной — и им это удается в определенной мере, — сами по себе они непрозрачны.

Непрозрачность инструментов обработки рыночной информации

Хотя инструменты обработки рыночной информации призваны сделать систему более прозрачной — и им это удается в определенной мере, — сами по себе они непрозрачны. В них заложено множество этапов систематизации информации, прежде чем она будет (частично) опубликована. К примеру, рейтинги вузов составляются на основе комплексных, многомерных показателей. Рейтинги хвалят за объективность и достоверность, но на самом деле это просто еще один способ толкования, систематизации и структуризации реальности. С одной стороны, инструменты обработки рыночной информации помогают акторам расширить свои знания и принимать взвешенные решения, но с другой стороны — это инструменты оценивания и классификации людей и организаций.

Взаимодействие разных инструментов и выработка новых критериев ценности

Все инструменты обработки рыночной информации по-своему влияют на выработку новых критериев ценности. К примеру, рейтинги с их критериями определяют наше понимание того, что считать качеством университетов. Или другой пример: Coursera предлагает своим корпоративным клиентам оценить ценность MOOK в денежном выражении. Таким образом, экономическая ценность этих курсов оказывается на переднем плане, хотя вообще-то их ценность для слушателей может выражаться в чем-то другом, например собственно в получаемых ими знаниях или в личностном росте.

Инструменты обработки рыночной информации, используемые в мире высшего образования, нередко в той или иной степени взаимодействуют между собой или используются параллельно в зависимости от условий рынка. К примеру, функционал сайтов Coursera и LinkedIn взаимосвязан: слушатели курсов Coursera могут в один клик добавить сведения о заработанных и оплаченных сертификатах в свой профиль на LinkedIn. Другой пример — когда рекрутинговые агентства пользуются сайтами типа Discover Uni, консультируя абитуриентов по вопросам выбора вуза.

Поскольку инструменты обработки рыночной информации зачастую имеют глобальный охват, то и «силовое противостояние» между лежащими в их основе установками и методологиями тоже вышло на глобальный уровень. В целом можно сказать, что инструменты обработки рыночной информации в области высшего образования предлагают персонализированные, гибкие, поддающиеся количественной оценке, позволяющие разбивать данные на отдельные компоненты и практические способы оценки ценности высшего образования.

Рыночные инструменты конструируют социальное будущее

Инструменты обработки рыночной информации рисуют перед нами конкретный образ будущего. Помогая людям в их размышлениях и процессе принятия решений, они тем самым способствуют претворению того самого предполагаемого будущего в жизнь. К примеру, сайт Unistats содержит информацию о заработной плате выпускников конкретных образовательных программ различных вузов. И хотя для будущих выпускников это информация о прошлом, в настоящем она может восприниматься как красноречивое предсказание о реальном будущем. Каждый из инструментов обработки рыночной информации рисует собственный образ будущего. Но как бы там ни было, в целом все эти образы указывают на то, что в будущем мы увидим усиление конкуренции, цифровизации, квантификации и сетевого взаимодействия.

Куда дальше?

Инструменты обработки рыночной информации, используемые в мире высшего образования, развиваются в плане размера (увеличивается тематический охват), масштаба (увеличивается количество учитываемых элементов), объема (разные инструменты обращаются к одним и тем же массивам данных, но анализируют различные их комбинации, иногда добавляя собственные данные) и временного охвата (учитывают данные из прошлого, предлагают взгляд в будущее). Соответственно, просто необходимо, чтобы законодатели, влиятельные лица и все остальные пользователи подобных инструментов хорошо понимали их принципы работы, поскольку эти инструменты активно влияют на формирование сектора высшего образования в его рыночных формах. Очень важно, какой конкретно показатель используется при составлении того или иного списка или какая именно формула лежит в основе тех или иных расчетов. И не стоит думать, что выбор того или иного варианта не имеет политического значения. Разные инструменты приводят к разным последствиям, поэтому только критический анализ их механизмов и следствий позволит нам понять, как именно образовательные рынки могут способствовать социальному равенству и в целом социальной справедливости или, наоборот, усугублять существующие проблемы.

.....

Китай и остальной мир: образовательная холодная война?

Личжоу Ван и Вэнь Вэнь

*Личжоу Ван — аспирантка и научный ассистент Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: wangliz@bc.edu.*

*Вэнь Вэнь — доцент Института образования и заместитель директора Центра азиатоведения Университета Цинхуа (Китай).
E-mail: wenwen@tsinghua.edu.cn.*

По всей видимости, в отношениях между Китаем и большинством других стран в академической и научной сфере наступил переломный момент. В этой статье мы расскажем о ключевых аспектах происходящего. Несмотря на то что международные обмены и сотрудничество между студентами и учеными внесли огромный вклад во взаимопонимание представителей разных культур и в мировую науку, сейчас эти отношения стали шаткими.

Недопущение китайского «влияния» на американские вузы

В рамках своего курса по борьбе с иммиграцией и шпионажем администрация президента Трампа последовательно вводила различные ограничительные меры в сфере международного образования и обменов. Уже во время пандемии Иммиграционная и таможенная полиция США объявила новую иммиграционную политику, согласно которой иностранных студентов, физически не посещавших занятия в вузах, предполагалось депортировать. Эта мера была отменена после того, как ряд вузов и прокуроры 20 штатов обжаловали ее в суде. Тем временем Министерство внутренней безопасности США планирует ограничить срок пребывания иностранных студентов в стране четырьмя годами, якобы чтобы представители враждебных государств больше не могли злоупотреблять образовательной средой США.

Дополнительные меры были введены конкретно против китайских ученых, якобы потому, что некоторые из них могли заполучить доступ к конфиденциальным сведениям и технологиям или интеллектуальной собственности стратегического значения. В мае 2020 года президент Трамп подписал документ, запротивший китайским аспирантам и ученым, так или иначе связанным с Народно-освободительной армией Китая, въезд в США. Этот запрет коснулся примерно 3000–4000 студентов. Вскоре после этого [США отозвали визы](#) более тысячи китайских студентов

и ученых, признанных неблагонадежными. А [студентов, получающих поддержку Китайского стипендиального совета](#) (государственной организации, отвечающей за организацию международных академических обменов), в аэропортах США подвергали дополнительной проверке. После начала первого семестра текущего учебного года [Университет Северного Техаса закрыл программу обмена](#), в которой участвовало 15 ученых, получавших финансирование от Китайского стипендиального совета, и попросил их покинуть страну в течение 30 дней. Затем федеральные власти [приостановили Программу Фулбрайта](#) в Гонконге и в материковом Китае и запретили китайским дипломатам посещать американские вузы без разрешения правительства США.

По мнению многих членов администрации Трампа, университеты — знаковое поле битвы, и потому им уделялось особое внимание, ведь в университетских лабораториях разрабатываются новые инструменты, которые в будущем сыграют ключевую роль в развитии интернет-технологий, медицины, военной индустрии и экономики. Департамент образования США взялся изучить ситуацию более чем в дюжине вузов, включая Стэнфордский и Фордемский университеты: речь идет о зарубежных пожертвованиях и контрактах, в частности китайских. Всем этим вузам было предписано представить документы, касающиеся всех зарубежных пожертвований и контрактов за последние десять лет, контактную информацию всех приезжавших в тот период ученых из Китая и информацию обо всех их возможных связях с властями и армией Китая. Всё это информация, которую власти, а не вузы должны собирать и оценивать в ходе проверки заявителей на получение американской визы.

В других странах

По имеющимся сведениям, [правительство Австралии запустило широкомасштабное расследование](#) по поводу возможных случаев иностранного вмешательства в образовательном секторе. Беспрецедентным проверкам подвергаются связи вузов с Китаем, благодаря которым австралийский сектор высшего образования зарабатывает миллиарды долларов (преимущественно в форме платы за обучение, взимаемой с почти 150 000 обучающихся в стране китайских студентов). [Служба безопасности и разведки Канады предупреждает](#) канадских преподавателей против участия в китайской «Программе тысячи талантов», поскольку она якобы предполагает применение «вредительских приемов с целью продвижения экономических и стратегических целей враждебных стран».

По всему миру закрываются Институты Конфуция, а это важная площадка продвижения китайского языка и культурных обменов. Конгресс США лишил американские вузы, принявшие у себя Институты Конфуция, права получать определенные гранты от Министерства обороны, вследствие чего многие институты закрылись. Вузы и государственные школы

Бельгии, Германии и австралийской провинции Новый Южный Уэльс тоже прекратили все связи с Институтами Конфуция. Были также закрыты все Институты Конфуция в Швеции.

Начальник управления по науке и инновациям Европейской комиссии также выражал свою озабоченность дисбалансом в отношениях между Евросоюзом и Китаем, в частности в том, что касается научного сотрудничества, академической мобильности и использования открытых данных. Несмотря на то что Брюссель не перестает подчеркивать важность продолжения сотрудничества, в Евросоюзе приступили к разработке единых правил взаимодействия европейских университетов и исследовательских центров с китайскими, уделяя особое внимание вопросам безопасности и прав интеллектуальной собственности.

...в Евросоюзе приступили к разработке единых правил взаимодействия европейских университетов и исследовательских центров с китайскими, уделяя особое внимание вопросам безопасности и прав интеллектуальной собственности.

Тем временем в Китае

За сорок лет, которые прошли с тех пор, как Китай вновь открылся миру, китайское высшее образование расцвело — во многом за счет международного сотрудничества и международных связей. Ведущие китайские исследовательские университеты занимают высокие строчки в международных рейтингах. Китайские ученые, особенно представители естественных, инженерно-технических и математических наук, проводят важные исследования и публикуют резонансные статьи. Сейчас в Китае учится уже почти полмиллиона иностранцев: он стал наиболее популярной у международных студентов азиатской страной.

Вместе с тем китайские вузы не могут не ощущать на себе последствия внутривнутриполитических и мировых геополитических процессов. Очевидный барьер, стоящий перед китайскими учеными, заинтересованными в международном взаимодействии и желающими больше узнать о мировой науке, заключается в ограниченном доступе к информации. Если весь мир участвует в виртуальных встречах через Zoom, то в материковом

Китае доступ к этой и другим популярным научным и коммуникационным платформам и соцсетям типа Google Scholar или YouTube ограничен.

С 2016 года Китай занимается созданием «философской и общественно-научной системы с китайскими особенностями» в попытках усилить свое влияние за рубежом и повысить качество науки и образования. Весной 2020 года была запущена реформа науки, призванная побороть «идолопоклонство» перед индексом цитирования SCI и стимулировать китайских ученых к тому, чтобы они писали о важных для Китая вопросах в национальном контексте и на китайском языке. Одновременно с этим ученым настоятельно советуют, чтобы они «рассказывали внешнему миру правду о Китае», пользуясь китайским академическим дискурсом, а не «анализировали китайские вопросы через призму американской оптики». Эта новая инициатива может стать вызовом для сложившейся англоцентричной системы академических знаний и негативно отразиться на международном сотрудничестве.

Многие западные ученые полагают, что усиление влияния партии на вузы (в особенности на отбор кадров, науку и учебную программу), скорее всего, отрицательно скажется на развитии в Китае ряда научных дисциплин. Впрочем, некоторые китайские ученые полагают, что именно в этом и состоит самая заметная и самая характерная особенность китайских вузов и что именно это играет решающую роль в формировании «китайской модели университета», если таковая вообще существует.

Последствия

Новая холодная война, безусловно, оказала влияние на высшее образование, на вузы и на отдельных ученых по всему миру. Китай долгое время оставался главным мировым экспортером студентов. Только в США в 2018 году насчитывалось более 360 000 студентов из Китая, включая 133 400 магистрантов и аспирантов. Девять из десяти выпускников аспирантуры остаются в США после защиты диссертации. Из них получают первоклассные исследователи и профессора, особенно в сфере естественных, инженерно-технических и математических наук. По данным опросов, на фоне стремительного ухудшения американо-китайских отношений желание и готовность китайских студентов оставаться в США после окончания учебы тоже снизились. Руководители многих аспирантских программ в области естественных, инженерно-технических и математических наук уже наблюдают сокращение числа иностранных абитуриентов.

Напряженность растет, и многие китайские студенты говорят о том, что предпочли бы учиться и впоследствии работать в других, более дружелюбных и гостеприимных государствах, например в Канаде, Великобритании или в европейских странах. По данным недавнего исследования, проведенного Джорджтаунским университетом, с 2017 года число одобренных

заявок от резидентов США на участие в канадской программе для высококвалифицированных мигрантов возросло на 75%. Рост шел преимущественно за счет неграждан США, большинство из которых, впрочем, оканчивали американские вузы.

Если говорить об отдельных вузах и ученых, то обременительные процедуры подготовки документации и прочей отчетности об «иностранном влиянии» могут отпугнуть многих людей и заставить их отказаться от поиска возможностей и запуска новых проектов в сфере международного сотрудничества.

Будущее туманно

США и Китай — две крупнейшие и самые влиятельные в сфере науки страны. Сотрудничество между ними способствует развитию мировой науки и высшего образования. Хотя многие говорят о сотрудничестве с Китаем как об игре по перетягиванию каната, на самом деле международное научное сотрудничество выгодно для всех сторон. И вузам следует держаться своих фундаментальных ценностей вроде свободы мысли и критического мышления и продолжать заниматься поисками истины, невзирая на внешние политические и экономические обстоятельства.

Не лучшие времена для научно-технического сотрудничества с Китаем

Энтони Уэлч

*Энтони Уэлч — профессор наук об образовании Сиднейского университета (Австралия).
E-mail: anthony.welch@sydney.edu.au.*

Недавнее решение США отозвать визы примерно тысячи китайских аспирантов и ученых — очередной пример ограничений в сфере американо-китайского научно-технического сотрудничества. Различные меры принимались и до этого, включая задержание китайских ученых, не уведомивших США, что они получали научное финансирование из Китая, в частности в рамках одной из главных китайских национальных программ поддержки «международных талантов».

Но некоторые американские ученые критикуют подобные действия своих властей, включая преследование китайских ученых, не признавших в связях с армией Китая. Критики указывают на то, что китайские исследователи в медицинской области, например, по умолчанию попадают под подозрения просто потому, что работают в крупнейших китайских больницах,

а эти больницы так или иначе связаны с военными. Сомнительные обвинения в промышленном шпионаже и озабоченность возможным использованием результатов исследований в военных целях стали распространяться уже после того, как США начали отказывать в визе китайским исследователям в сфере естественных, инженерно-технических и математических наук, в особенности представителям дисциплин, признанных Китаем приоритетными согласно национальной стратегии на 2015–2025 годы «Сделано в Китае 2025». К этим направлениям относятся информационные технологии, роботостроение, авиакосмические технологии, разработка новых материалов и биотехнологии. (В области социальных и гуманитарных наук проблемы другие, например языковой барьер, различные эпистемологические и интерпретационные парадигмы, а также цензура и «Великий китайский файервол».) В ответ на такую агрессивную визовую политику США группа китайских студентов создала базу данных, из которой видно, что на самом деле так называемые «связи с китайской армией» носят исключительно номинальный характер.

Всё новые ограничения

Все эти шаги — часть так называемой торговой войны между США и Китаем, которую, впрочем, все чаще называют войной технологий и даже иногда идеологической холодной войной. В стратегии Белого дома, опубликованной в 2020 году, перечислен целый список случаев неправомерного использования технологий, краж интеллектуальной собственности, нарушений обязательств о соблюдении конфиденциальности и сокрытия информации об иностранных капиталовложениях. Но попытки ограничить международное научное сотрудничество встречаются все чаще. Жан-Эрик Паке, глава Департамента по исследованиям и инновациям Европейской комиссии, недавно нанес урон масштабным и давно устоявшимся отношениям между Евросоюзом и китайскими исследователями, заявив о том, что подход Пекина к исследовательским данным непрозрачен, и наложил ограничения на сотрудничество в ряде научных областей, где китайские ученые особенно сильны. По словам Паке, Евросоюз больше не верит в то, что научное сотрудничество с Китаем опирается на принцип взаимности. Паке утверждает, что, в то время как Европа открыта и свободна, доступ к Китаю «затруднен и иногда оказывается обременен формальными ограничениями». Подобные высказывания, а также, например, высказывания о недобровольном технологическом обмене — предвестники того, что в скором времени будут разработаны новые, более четкие стандарты сотрудничества между европейскими университетами и исследовательскими организациями и китайскими партнерами и что эти стандарты будут также охватывать вопросы, связанные с национальной безопасностью и правами интеллектуальной собственности. Как и в случае с США, новая позиция ЕС

по вопросам научного сотрудничества — это элемент масштабных трансформаций политики Евросоюза: если раньше Китай считался стратегическим партнером ЕС, то в марте 2019 года его уже называли «системным соперником».

Япония тоже подумывает об усилении контроля над китайскими учеными ради того, чтобы затормозить утечку новой информации в таких исследовательских сферах, как квантовые вычисления, искусственный интеллект и разработка полупроводников. Рассматриваемые меры предполагают более строгую проверку заявителей, запрашивающих японскую визу, и наложение на японские вузы и исследовательские центры обязательства отчитываться обо всем зарубежном научном финансировании. В 2017 году в Японии находилось 6313 ученых из Китая (всего в стране работало 39 473 иностранных ученых), но неизвестно, сколько из них занималось приоритетными высокотехнологичными дисциплинами. К тому же некоторые японские ученые заявили, что меры по защите исследований национальной важности и по укреплению научной этики не должны мешать свободе науки и инноваций и не должны затруднять работу японских ученых.

Все эти шаги — часть так называемой торговой войны между США и Китаем, которую, впрочем, все чаще называют войной технологий и даже иногда идеологической холодной войной.

На фоне постоянных разговоров об усилении иностранного вмешательства в Австралии было принято решение провести парламентское расследование на тему иностранного влияния. Пристальное внимание в расследовании уделяется австралийским университетам и отдельно говорится о том, что их международные научные связи вызывают беспокойство. И хотя конкретные зарубежные страны не называются, очевидно, что главная мишень — Китай. А тот факт, что были отозваны визы двух выдающихся китайских ученых, благодаря которым в Китае возрос интерес к изучению Австралии, лишает последней надежды на наличие у Австралии какой-то тонкой стратегии. В 2019 году при финансовой поддержке Центра международного сотрудничества Госдепа США австралийский Институт стратегической политики

разработал проект Defence Universities Tracker: это база данных китайских вузов, занимающихся оборонными или секретными исследованиями, а также исследованиями перспективных технологий. На сайте проекта представлены данные о почти сотне гражданских университетов, пятидесяти оборонных вузах, аффилированных с Народно-освободительной армией Китая, трех вузах при китайском Министерстве госбезопасности и двенадцати государственных оборонно-промышленных объединениях.

ЕС и Азия — не США

США давят на своих союзников, чтобы те последовали их примеру в плане политики сдерживания в отношении Китая, в том числе в научной сфере. Может быть, с США согласится Япония. Но Китай по-прежнему очень заинтересован в международном сотрудничестве, и пока, похоже, ни Европа, ни большинство стран Азии не планируют вводить жесткие ограничения. Вовлечение новых стран в открытое противостояние идет, к примеру, вразрез с давней политикой АСЕАН — перестраховываться ради максимизации пространства для маневра между двумя соперничающими и даже враждебными сверхдержавами. Пока нет никаких признаков того, что страны — члены АСЕАН планировали бы ограничить исследовательское сотрудничество с Китаем — крупнейшим для большинства из них партнером в области науки. Даже Вьетнам, у которого долгая и трудная история взаимоотношений с Китаем, не подает никаких признаков того, что хотел бы ограничить научное сотрудничество со своим гигантским и зачастую докучливым соседом. К тому же в ряде стран АСЕАН много высококвалифицированных и высокообразованных представителей китайской диаспоры, которые работают в вузах и исследовательских центрах.

Риски

Описанные выше примеры показывают, что соображения национальной безопасности играют решающую роль при принятии решений касательно международного научного сотрудничества. Впрочем, это несет в себе дополнительные риски. Во-первых, есть риск вместе с водой выплеснуть и ребенка. Очевидно, что нужно более скрупулезно подходить к выявлению высокотехнологичных проектов, которые могут носить щепетильный характер, и отделять их от остальных проектов, не несущих в себе никаких рисков для национальной безопасности. Как высказался недавно Денис Саймон, эксперт в области научного развития Китая и бывший высокопоставленный сотрудник Университета Дьюка в Куньшане (городской округ Сучжоу), «предположения о масштабном заговоре на самом деле далеки от реальности».

Во-вторых, слишком жесткий подход может привести к тому, что многие талантливые ученые из Китая сами не захотят больше ездить в США или другие страны, накладывающие на китайцев аналогичные ограни-

чения. В некоторых странах наметилась удручающая тенденция: ученые китайского происхождения уже начали их покидать. Другие переориентируются на сотрудничество с Японией, с Соединенным Королевством (которое, впрочем, недавно обнародовало новые правила проверки желающих въехать в страну иностранных студентов и ученых, предполагающие возможность избирательного запрета на въезд) или с Европой. Китай от всего этого, может быть, и выиграет, а вот американская наука в итоге точно понесет потери, о чем говорят многие американские ученые.

В-третьих, самое удручающее обстоятельство — это усиление националистических и шовинистских настроений во многих странах мира. Связанное с этим превалирование соображений национальной безопасности над дипломатическими и академическими может подорвать устоявшуюся систему двусторонних и международных исследовательских сетей, именно благодаря которым возможна существенная доля мировых исследований. Уже каждая третья научная публикация в мире написана в соавторстве исследователями как минимум из двух разных стран, а большинство научных статей с несколькими авторами, выходящих в Китае и США, написано в соавторстве именно представителями этих двух стран. Так разумно ли в этих условиях отказываться от вклада в мировую науку Китая, ставшего одной из научных сверхдержав современного мира?

Китайские школьники больше не решаются на учебу в США

Сяофэн Вань

Сяофэн Вань — заместитель декана по работе приемной комиссии и привлечению международных студентов в Амхерстском колледже (г. Амхерст, штат Массачусетс, США). E-mail: xwan@amherst.edu.

В последние десять лет число очных студентов из Китая в американских вузах постоянно росло. По статистике Института международного образования (IIE), в 2018/19 учебном году в США обучалось около 370 тысяч молодых китайцев — это треть от общего числа международных студентов в стране. По данным Министерства торговли США, вклад студентов из Китая в экономику принимающей страны оценивался в 2018 году в 15 миллиардов долларов, эти студенты способствовали созданию тысяч рабочих мест. Но все может неожиданно измениться.

По результатам опроса, проведенного ChinaIACS (Китайским институтом консультирования по поступлению в вузы) в июне 2020 года, 36% китайских школьников, которые ранее рассматривали возможность обучения в США, полностью отказались от этой идеи. У них много поводов для беспокойства, но 85% респондентов отметили, что наибольшие опасения вызывают возможные санитарные риски, связанные с пребыванием в США. Кроме того, к наиболее тревожным факторам почти половина респондентов отнесла непредсказуемую визовую политику и расизм.

29 мая 2020 года президент Трамп подписал документ, [запретивший китайским аспирантам и ученым](#), так или иначе связанным с Народно-освободительной армией Китая, въезд в США, якобы опасаясь кражи интеллектуальной собственности. Руководствуясь этим документом, к 8 сентября того же года Госдеп [успел отозвать визы более 1000 китайцев](#), якобы лишившихся права въезда в США. Эти шаги только подогрели опасения китайских абитуриентов о том, что при запросе американской визы их могут подвергнуть еще более строгой проверке, особенно в случае выбора образовательной программы в сфере естественных, инженерно-технических и математических наук, и что все многолетние усилия по подготовке к учебе в США рискуют оказаться напрасными. Отношения между Китаем и США катятся все дальше вниз по наклонной плоскости, на фоне чего растет беспокойство китайских абитуриентов и их семей насчет возможного усиления враждебного отношения к китайским студентам в США и их использования в качестве разменной монеты в политической игре.

Вдобавок ко всему этому в США бушует пандемия, усилились расистские настроения и участились случаи словесной и физической агрессии в отношении людей азиатского происхождения. Масло в огонь подливал и президент Трамп, неоднократно называвший COVID-19 «китайским вирусом». Родители китайских школьников, конечно, учитывают все эти тревожные факторы, взвешивая все «за» и «против» отправки детей на другой конец света, тем более что у многих из них только один ребенок из-за действовавшей долгое время в Китае жесткой политики контроля рождаемости.

Дно еще не достигнуто

«Зима близко» — так высказалась Френсис Чжан, отвечающая в школе WLSA Shanghai Academy за консультирование по вопросам поступления в вузы, рассуждая о возможных последствиях нынешней политики американских университетов в отношении абитуриентов из Китая. «Следует ожидать отсроченное негативное воздействие [этой политики] на число китайских абитуриентов в американских вузах. По-настоящему спад станет заметен через 2–3 года, когда начнут поступать сегодняшние девяти- и десятиклассники», — добавила Чжан.

По результатам опроса, проведенного ChinaIACS (Китайским институтом консультирования по поступлению в вузы) в июне 2020 года, 36% китайских школьников, которые ранее рассматривали возможность обучения в США, полностью отказались от этой идеи.

Последняя статистика указывает на 20-процентный рост интереса к *чжункао* (национальным вступительным экзаменам в старшую школу) в Пекине по сравнению с 2019 годом и на 15-процентный — в Шанхае. С другой стороны, многие международные программы как в государственных, так и в частных школах разных частях страны не сумели набрать нужное число учащихся даже после окончания традиционного периода поступления в старшую школу.

На недавнем семинаре с директорами китайских школ, организованном Амхерстским колледжем, Уильямс-колледжем и Йельским университетом, директор престижной государственной старшей школы из Сианя (крупный город в западно-китайской провинции Шэньси) жаловался, что международная программа его школы выполнила контрольные цифры приема всего на 40%. А чтобы удержать уже имевшихся учащихся, школе пришлось ввести в программу дополнительные курсы подготовки к национальному вступительному экзамену *гаокао*, чтобы выпускники имели право поступать не только в зарубежные вузы, но и в китайские. Если бы школа не пошла на этот беспрецедентный шаг, многие родители грозили просто забрать оттуда своих детей.

Согласно недавно опубликованному в Китае [докладу](#), Великобритания впервые обошла США по популярности среди китайских школьников, желающих учиться за рубежом. Впрочем, со снижением интереса со стороны абитуриентов сталкиваются даже самые эксклюзивные китайские школы, которые учат по программе британской старшей школы и чьи выпускники массово уезжают на учебу в Великобританию. К примеру, филиал одной элитной английской частной школы, расположенный в китайской провинции Цзянсу, принял в этом году на 50% меньше учащихся, чем обычно.

По-прежнему ли США жалуют международных студентов?

Семьи потенциальных абитуриентов из Китая озабочены тем, что США перестали быть для них гостеприимной страной. Определенную роль наверняка играют политические и культурные различия, поскольку многие китайцы полагают, что ксенофобная риторика Трампа и его администрации отражает общественное мнение, а также настроения в вузах.

Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт *недавно подали в суд*, чтобы обжаловать решение Иммиграционной и таможенной полиции США, согласно которому международным студентам запрещено было находиться в стране, если вся их учеба проходит исключительно онлайн. Таким образом вузы показали потенциальным абитуриентам из Китая, что правительство США не может полностью контролировать отношения между вузами и международными студентами. Сам судебный процесс и тот факт, что вузы победили, оказались примечательными на фоне системы.

В дополнение ко всему этому в китайских соцсетях WeChat и Weibo активно распространяется дезинформация касательно процесса приема в вузы и будущего американо-китайских отношений, заставляющая родителей китайских школьников еще больше тревожиться о том, разумно ли отправлять детей учиться в США. «Мы надеемся, что американские вузы будут чаще общаться с семьями китайских абитуриентов напрямую. Чтобы родители наших детей знали, что в американских вузах им по-прежнему рады и что не стоит поддаваться панике из-за дезинформации, циркулирующей на китайских сайтах», — сказал в ходе недавнего семинара директор одной престижной пекинской государственной школы.

Взгляд в будущее

Ясно одно: многие китайцы по-прежнему видят смысл в том, чтобы отправить своих детей учиться в США ради воплощения идеалов и возможностей, которые в их глазах олицетворяет и даже обеспечивает американское образование. Несмотря на катастрофические — и явно долгосрочные — последствия текущего политического курса и пандемии, желание китайцев дать своим детям лучшее образование никуда не денется.

Тем не менее работа с китайскими абитуриентами в ближайшие пару лет станет как никогда трудной. Ключевой фактор восстановления доверия китайцев к США и их готовности ехать в эту страну — это то, как США справятся с пандемией. В отсутствие в стране руководства, готового взяться за борьбу с вирусом и открыть двери для талантов из-за рубежа, вузам, возможно, придется брать на себя дополнительную работу. Семьям студентов будет все равно, сколько ресурсов мы можем предоставить, пока они не убедятся, что мы заботимся о благополучии их детей, тем

более в условиях глобальной пандемии. Решающая роль в том, чтобы показать наше гостеприимство и напрямую донести до иностранных абитуриентов, что мы берем на себя всю ответственность за благополучие международных студентов, лежит на сотрудниках приемных комиссий, которые становятся для абитуриентов первым в вузе контактным лицом. Эти сотрудники должны обеспечивать абитуриентов полной информацией и развеивать любые сомнения и заблуждения относительно учебы в США, чтобы абитуриенты из Китая не просто снова захотели учиться в США (а они, я уверен, захотят), а чтобы они преуспевали в наших вузах и за их пределами, получая необходимую поддержку и живя достойно.

Высшее образование в Гонконге: переломная точка?

Филип Альтбах и Джерард А. Постильоне

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США). E-mail: altbach@bc.edu.

Джерард А. Постильоне — почетный профессор и координатор Консорциума исследований высшего образования в Азии, Гонконгский университет. E-mail: gerry@hku.hk.

Прошедший год ознаменовался для Гонконга чередой беспрецедентных кризисов. Затяжные протесты против закона об экстрадиции и в поддержку демократии, принимавшие местами насильственные формы, с активным участием студентов, затем пандемия COVID-19 и принятый центральным правительством Китая новый закон о национальной безопасности — всё это привело к усилению беспокойства о будущем высшего образования. После беспорядков, длившихся несколько месяцев в нескольких университетах, у многих представителей академического сообщества как в Гонконге, так и за его пределами возникают вопросы. Население Гонконга страдает на фоне очередной волны COVID-19 и напугано новым законом о национальной безопасности, который многие восприняли как недобрый знак, предвещающий дальнейшее закручивание гаек. Пока, конечно, слишком рано говорить о том, что именно этот закон будет означать на практике, но в контексте произошедших изменений точно стоит оценить возможные риски для высшего образования.

Традиционные сильные стороны гонконгского высшего образования

В 2012 году мы написали статью «Академическое превосходство Гонконга», опубликованную в 66-м выпуске «Международного высшего образования». Эта статья была переведена на китайский язык и вышла также в одном из наиболее известных журналов об образовании, издаваемых в материковом Китае. В ней мы размышляли о том, почему, несмотря на небольшие размеры Гонконга, его вузы так широко представлены в международных рейтингах (три вуза в топ-100, пять — в топ-200), и о качестве гонконгской системы высшего образования в целом.

Мы выделяли несколько ключевых факторов. Среди них — академическая свобода, распространяющаяся и на преподавателей, и на студентов, а также возможность высказываться на общественно-политические темы. Ученые и студенты обладают свободным доступом к информации и могут рассказывать о результатах исследований без каких бы то ни было ограничений. С одной стороны, государство действительно поддерживает высшее образование и в целом направляет развитие образовательной политики, а с другой — вузы обладают высокой степенью институциональной автономии и самоуправления. В большинстве вузов основной язык обучения и науки — английский. Ректоров университетов в Гонконге выбирают на основе их международной научной репутации, в вузах беспрецедентно высокий уровень интернационализации, и они нанимают лучших преподавателей и ученых со всего света. В Гонконг приезжают студенты со всех континентов, очень сильные связи с вузами других стран. Гонконгское академическое сообщество не просто очень международное — оно еще и очень продуктивное: ученые из Гонконга печатаются в лучших изданиях и выигрывают крупные гранты из местных, национальных и международных источников. Они вносят вклад и в мировую науку, и в развитие гонконгской экономики и гражданского общества. Гонконг добился выдающихся успехов в академической сфере: несмотря на всего лишь семимиллионное население, по количеству вузов, входящих в международные рейтинги, он опережает даже материковый Китай с его почти полутора миллиардами человек.

В нашей статье 2012 года мы также выявили несколько причин, которые, по нашему мнению, объясняют превосходство академической системы Гонконга над системой материкового Китая. С тех пор китайские вузы — особенно лучшие из них — добились внушительных успехов. Однако они могли бы добиться большего, если бы не окружающие их реалии: усугубляемая политическим контролем бюрократизированность, низкие зарплаты, ограничения академической свободы и доступа к информации, определенная обособленность. Причем за последние пару лет ограничения и политизация усилились.

Переломный момент для Гонконга

Принудительно спущенный властями новый закон о национальной безопасности привел к созданию своего рода новой реальности — и для общества в целом, и для высшего образования в частности. Пока до конца не ясно, как этот закон скажется на привлекательности Гонконга для международных студентов. Если рассуждать с политической точки зрения и с точки зрения безопасности, многие студенты материкового Китая, которые когда-то планировали уехать учиться в США, теперь предпочитают Европу, Гонконг или Сингапур. С другой стороны, если Гонконг станет «просто еще одним крупным китайским городом», он утратит свое уникальное положение в мире высшего образования. Раньше, до того, как стабильность Гонконга оказалась под вопросом, центральное правительство Китая рассчитывало на то, что гонконгские университеты сыграют ключевую роль в реализации новой инициативы по развитию региона Большого залива (куда входят Гонконг, Макао и семь городов провинции Гуандун), цель которой — построить «китайскую Кремниевую долину». Но в условиях текущей ситуации центральное правительство может предпочесть инвестировать в создание первоклассных университетов в соседнем с Гонконгом Гуандуне, куда относятся также Шэньчжэньская и Чжухайская особые экономические зоны.

Возможные последствия нового закона для высшего образования

Пока невозможно полностью оценить последствия нового закона для гонконгских университетов, но уже есть некоторые тревожные признаки. Руководители пяти из восьми государственных вузов выпустили заявления в поддержку нового законодательства о национальной безопасности, но в то же время отметили, что их университеты продолжают непоколебимо отстаивать принципы академической свободы и институциональной автономии. Появятся ли на практике новые трудности с соблюдением этих принципов?

Принудительно спущенный властями новый закон о национальной безопасности привел к созданию своего рода новой реальности — и для общества в целом, и для высшего образования в частности.

Ученый совет одного элитного университета принял решение не увольнять сотрудника, отправленного за решетку за участие в протестах, перетекших в беспорядки. Власти изъяли из государственных библиотек ряд книг, чтобы проверить, не нарушают ли они новый закон о национальной безопасности, но эти книги остаются доступны в интернете — если только правительство не решится на беспрецедентные меры по блокировке отдельных сайтов. После обнародования нового закона о национальной безопасности полмиллиона жителей Гонконга зарегистрировались на участие в праймериз оппозиционной политической партии, что, по мнению властей, идет вразрез с новым законом.

Свободные науки и искусства — обязательный предмет в средней школе, направленный на развитие критического мышления, который согласуется с обязательной программой обучения в университетах. В этом году правительство планирует сообщить, что делать с этим спорным школьным предметом, обучение молодежи которому, по мнению критиков, и привело к многомесячным массовым беспорядкам в Гонконге.

Новый закон не предусматривает никаких ограничений на передвижение студентов и ученых. Однако после его принятия один известный иностранный ученый призвал «быть очень осторожными в случае сотрудничества с коллегами из Китая или с представителями гонконгского академического сообщества», а одна крупная международная научная ассоциация разослала своим членам письмо с предостережением, что «туманность нового законодательства и размытость содержащихся в нем формулировок о категориях нарушений лишает понимания, какие именно высказывания и действия могут привести к серьезным юридическим последствиям».

Несмотря на все эти противоречия, заметных изменений в академической жизни пока не произошло, однако они дают иностранным ученым, задумывающимся об академической карьере в Гонконге или о сотрудничестве с гонконгскими вузами, повод насторожиться.

Заключение

Привлекательность гонконгского высшего образования, а также его общественного строя и экономики в целом всегда заключалась в их открытости, высоком уровне интернационализации и космополитизме. Принцип «Одна страна — две системы» всегда служил на благо гонконгскому высшему образованию. Если Гонконг лишится всего, что делало это возможным, то его система высшего образования перестанет быть уникальной, и Гонконг рискует утратить свои преимущества и международный престиж.

Перспективы германо-китайского сотрудничества в сфере высшего образования

Марейке Валерс

Марейке Валерс — глава международного отдела Конференции ректоров Германии.

E-mail: wahlers@hrk.de.

URL: www.hrk.de/guidance_China_cooperation.

Развитие сотрудничества и программ академического обмена между университетами Германии и Китая в последние тридцать лет по праву можно назвать успешным. В 1980-х годах в силу тогдашних политических обстоятельств насчитывалось менее сотни соглашений о сотрудничестве между немецкими и китайскими университетами, по данным Конференции ректоров Германии (HRK). Всего два десятилетия спустя, в 2000-х годах, их число было уже втрое больше. Сейчас, почти 20 годами позже, насчитывается уже в общей сложности около 1400 соглашений о сотрудничестве между более чем 200 немецкими и почти 400 китайскими вузами. Таким образом, можно смело говорить о наличии устойчивых связей между академическим миром Германии и Китая. И если раньше сотрудничество между странами основывалось главным образом на двусторонних договоренностях между отдельными представителями различных вузов, то сейчас оно предполагает целый спектр разных форм совместной деятельности — от традиционной студенческой и академической мобильности, программ двойных дипломов, совместных программ аспирантуры и совместных исследований до других форм транснациональных образовательных программ и различных инициатив в сфере инноваций. А поскольку китайские партнеры довольно быстро распознали потенциал немецких университетов прикладных наук, то с немецкой стороны в сотрудничестве с Китаем на равных правах участвуют вузы всех типов.

Баланс интересов

Впрочем, если взглянуть поближе, можно заметить трещины в отношениях между вузами двух стран, какие-то из них поменьше, какие-то побольше. Если посмотреть, к примеру, на тематический срез, то сотрудничество почти всегда довольно однобокое: иными словами, оно практически никогда не выходит за пределы достаточно узкого круга дисциплин, к которому относятся естественные и технические науки, экономика и право. Социальным и гуманитарным наукам неизменно уделяется мало внимания. Очевиден дисбаланс и в том, что касается мобильности студентов

и исследователей. Несмотря на бесспорно крепкие позиции китайских университетов и исследовательских институтов во многих научных областях, ошутимого притока студентов и ученых из Германии в Китай (пока) не наблюдается.

К тому же были все признаки того, что соглашения между вузами не всегда (по крайней мере на первых порах) надлежащим образом отражали интересы немецких вузов. Для нейтрализации подобного дисбаланса приходилось разрабатывать более дальновидные долгосрочные стратегии институционального и системного масштаба. Руководство Конференции ректоров Германии еще в 2005 году подчеркивало в своих рекомендациях касательно германо-китайских совместных образовательных программ, что сотрудничество должно быть выгодным для обеих сторон и что совместные образовательные программы должны разрабатываться с учетом потребностей студентов обеих стран. Все это становится особенно важным с учетом усиливающейся дифференциации высшего образования в Германии и стремления немецких университетов выделиться на фоне остальных, подчеркнуть свои отличия. В целом подход немецких университетов к интернационализации в последние годы заметно изменился: если раньше они просто хватались за новые возможности по мере их появления (а не целенаправленно их искали), то в последнее время все чаще виден поистине стратегический подход к интернационализации, позволяющий комплексным образом связать между собой соответствующую деятельность различных сотрудников одного и того же вуза. Тем не менее исследование 2018 года, выполненное по заказу Федерального министерства образования и научных исследований и Федерального министерства иностранных дел, показало, что, хотя университеты Германии действительно стали воспринимать Китай как одного из ключевых глобальных игроков и уделять больше внимания изучению связанных с этой страной возможностей, студенты, ученые и вузовские преподаватели пока недостаточно хорошо осведомлены об этих возможностях и вообще мало знают о Китае.

Твердые ценностные ориентиры как основа для партнерства

Глобальные геополитические процессы и политические изменения внутри Германии и Китая тоже наложили отпечаток на сотрудничество между вузами этих стран. Сейчас наблюдается столкновение двух тенденций: хотя в целом налаживание сотрудничества шло чрезвычайно продуктивно и хотя совместные проекты в ряде областей по-прежнему очень успешны, сотрудничество в других сферах заметно пострадало.

В последние годы многие университеты Германии, сотрудничающие с Китаем, все чаще сталкиваются с различными законодательными ограничениями и организационными препятствиями с китайской стороны. Более того, усиление влияния государства на образовательные процессы и на учебную программу

китайских университетов и новые ограничения академической свободы в Китае ставят сотрудничество с немецкими вузами-партнерами под угрозу, а иногда и вовсе приводят к приостановке отношений.

Таким образом, можно смело говорить о наличии устойчивых связей между академическим миром Германии и Китая.

Становится чрезвычайно важно четко зафиксировать твердые ценностные принципы, на которые вузы должны ориентироваться при осуществлении международной деятельности. Вот почему Конференция ректоров Германии постоянно подчеркивает, что свобода науки и преподавания — жизненно важный элемент успеха вузов. По мнению представителей HRK, академическая свобода — фундаментальный и потому не подлежащий обсуждению принцип работы немецких вузов, который должен соблюдаться и в контексте международного сотрудничества. В свете глубинных изменений, происходящих на мировой арене, в апреле 2020 года Конференция ректоров Германии опубликовала руководящие принципы и стандарты, на которые следует опираться при заключении международных вузовских партнерств.

Кроме того, Конференция ректоров Германии недавно составила список важных пунктов, на которые нужно обращать внимание при сотрудничестве с китайскими университетами. Это своего рода дополнение к выпущенным ранее принципам и стандартам, где еще более детально прописываются обязательные и необязательные варианты действий при сотрудничестве с китайскими вузами и исследовательскими центрами. Все эти документы написаны для того, чтобы обосновать легитимность уже существующих партнерств и иметь возможность при необходимости внести в них некоторые коррективы. Одновременно эти документы должны служить немецким университетам стимулом к расширению академического присутствия в Китае и к тому, чтобы взять бразды правления в сотрудничестве с китайскими партнерами в свои руки.

Индивидуальный подход — ключ к устойчивому сотрудничеству

Последний из вышеупомянутых документов разработан для обеспечения вузов и отдельных сотрудников стимулами, поддержкой и ориентирами, необходимыми для налаживания и развития устойчивого сотрудничества с китайскими университетами и другими научно-образовательными учреждениями. Предложенные HRK пункты сгруппированы в три категории:

стратегия и управление; совместные учебные курсы и исследования; университет как пространство для транснационального взаимодействия. Затрагиваются предпосылки, условия и цели равноправного сотрудничества. Конференция ректоров Германии убеждена, что один из ключевых факторов плодотворного сотрудничества — тщательный выбор тем и партнеров. Польза от международного сотрудничества и его устойчивость напрямую зависят от структуры университета и того, как организованы внутриуниверситетские процессы. Все это связано также с идентичностью вуза, его миссией, профилем, организационными принципами и ценностями.

Руководство Конференции ректоров Германии придерживается мнения, что укреплять диалог и сотрудничество с партнерами из Китая необходимо во всех сферах. Это в первую очередь логика интеллектуального развития. Кроме того, в интересах самого общества убедить студентов и ученых активнее сотрудничать с Китаем и тем самым накопить знания о Китае. Важно при этом уделять детальное внимание отдельным параметрам, целям и содержанию конкретных партнерских отношений, поскольку это поможет расставить все точки над *i* в общении с китайскими партнерами и вместе с тем выявить взаимовыгодные траектории развития отношений. Обсуждая возможности и риски, обязательно нужно активно выискивать такие возможности, которые не создают рисков для институциональных ценностей и стандартов. Конференция ректоров Германии делает все возможное, чтобы помочь вузам-членам и в дальнейшем налаживать международные академические связи, в основе которых лежали бы твердые принципы.

Подготовка аспирантов в разных странах мира

Виктор Рудаков и Мария Юдкевич

Виктор Рудаков — старший научный сотрудник Института институциональных исследований НИУ ВШЭ (Москва). E-mail: vrudakov@hse.ru.

Мария Юдкевич — директор Института и проректор НИУ ВШЭ. E-mail: yudkevich@hse.ru.

*В этой статье собраны наблюдения, подробно описанные в вышедшей в 2020 году в издательстве Sage книге *Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspective* под редакцией М. Юдкевич, Ф. Дж. Альтбаха и Х. де Вита.*

В сфере подготовки аспирантов во всем мире наблюдается две параллельные тенденции: диверсификация и одновременно унификация. Влияние на эти процессы оказывает массовизация и интернационализация, повышение требований к научным исследованиям, изменения на рынке труда и, наконец, меняющаяся функция аспирантуры. С одной стороны, развиваются более гибкие подходы, например профессиональная аспирантура и аспирантура без отрыва от производства, дистантные и очно-заочные формы аспирантуры, новые типы программ, осуществления научного руководства и образовательных процессов. С другой стороны, формирование глобальной системы подготовки аспирантов с международными потоками студентов, преподавателей, выпускников и развитие университетов мирового класса способствуют унификации процессов поступления и обучения в аспирантуре и требований к тем, кто хотел бы работать в университетах мирового класса. Впрочем, унификация пока затрагивает только ведущие университеты, зачастую никак не сказываясь на национальной системе подготовки аспирантов в целом, из-за чего возникают институциональные различия между вузами в пределах одной страны.

В сфере подготовки аспирантов во всем мире наблюдается две параллельные тенденции: диверсификация и одновременно унификация.

Причины различий

То, как устроена подготовка аспирантов в той или иной стране, во многом зависит от первоначально выбранной модели и результатов более поздних реформ. К примеру, одни страны выбрали немецкую модель, уделяющую особое внимание научной работе аспирантов. Другие — двухступенчатую систему послевузовского образования, предполагающую написание двух диссертаций, как, например, Советский Союз и ряд других в прошлом коммунистических стран. Впоследствии некоторые страны переключились на американскую модель, обладающую более жесткой структурой и предполагающую посещение довольно большого объема курсов.

На протяжении XIX–XX веков в мире было несколько государств-лидеров в сфере науки, в результате

многие страны стали перенимать передовой опыт стран-лидеров в сфере подготовки аспирантов, приспособив его под местные условия и под реалии национальных институтов. В книге *Trends and Issues in Doctoral Education: A Global Perspective* (2020) мы проанализировали ключевые тенденции в сфере подготовки аспирантов в разных странах мира.

Влияние на рынок труда

За последние двадцать лет число обладателей степени PhD значительно выросло, что вызвано усилением исследовательских амбиций вузов и потребности в новых сотрудниках, поскольку система высшего образования по всему миру расширяется. Часто говорят, что обладателей степени PhD в мире даже слишком много. Однако необходимо помнить, что ситуация в странах с низкими доходами, испытывающих острую нехватку научных и преподавательских кадров из-за расширения системы высшего образования, отличается от ситуации в странах с высокими доходами, в большинстве которых предложение на академическом рынке труда действительно превышает спрос и, соответственно, многим молодым исследователям трудно найти работу в академической среде. Из-за сокращения академического рынка труда в этих странах карьерные перспективы обладателей степени PhD ухудшаются (это особенно характерно для гуманитарных и социальных наук), что объясняет распространение такого формата трудоустройства, как позиция постдока, и подчеркивает значение промышленного сектора как важного направления поиска работы для выпускников аспирантуры.

Интернационализация

В контексте интернационализации существенным конкурентным преимуществом в борьбе за международных аспирантов обладают англоязычные страны и страны, предоставляющие возможность написания и защиты диссертации на английском языке. К другим важным факторам, положительно влияющим на приток аспирантов из-за рубежа, относятся многолетняя традиция подготовки ученых, как, например, в Германии, или колониалистское прошлое страны, например Франции, куда стремится множество студентов из бывших французских колоний, в которых идет массовизация высшего образования. Такие страны, как Бразилия, Китай и Россия, занимают в своих регионах господствующее положение в плане высшего образования и привлекают множество студентов из соседних государств.

Типы и устройство программ аспирантуры

В разных странах аспирантура устроена очень по-разному: различается продолжительность и уровень программ, количество промежуточных экзаменов, которое влияет на уровень отсева, встречаются также разные типы программ, диссертаций и подходов к научному

руководству. Во всем мире растет популярность вечерних и заочных программ аспирантуры, что, однако, порождает вопросы, касающиеся качества и результатов такого образования. Несмотря на некоторый разброс в продолжительности программ, в целом обучение в аспирантуре длится, в зависимости от страны и направления, от трех до пяти лет. Хотя в ряде стран (например, в Германии, Польше, России) по-прежнему сохраняются некоторые элементы двухступенчатой системы ученых степеней, такие системы постепенно уходят в прошлое по мере реализации Болонского процесса. Различают наукоориентированный подход к аспирантуре (распространен в Европе) и (традиционный для США) подход, предполагающий посещение аспирантами большого числа курсов, причем последний постепенно набирает все большую популярность в разных странах мира. Заметна еще одна отчетливая тенденция, связанная с меняющимися требованиями к написанию диссертаций: в частности, все более важным становится наличие научных публикаций.

Растет потребность в новых лидерах, которые будут управлять инновационной экономикой, все важнее становится сотрудничество между вузами и промышленностью, сужается академический рынок труда, острой критике подвергается недостаток внимания к развитию навыков, — и все вместе это ведет к изменению функций аспирантуры. Подготовка новых ученых для академического рынка труда перестала быть единственной задачей аспирантуры. В связи с этим развивается профессиональная аспирантура и аспирантура без отрыва от производства, что особенно распространено в таких сферах, как бухгалтерский учет, финансы, право и медицина.

Финансирование и статус аспирантов

Наблюдается огромное многообразие финансовых моделей аспирантуры: она бывает бесплатная и платная, в некоторых странах аспиранты получают стипендию или могут взять ссуду, в других им платят зарплату. В Великобритании, Китае, США, Южной Корее и Японии обучение в аспирантуре стоит очень дорого, а объем финансовой помощи аспирантам зависит от финансирования программ, научных проектов или вузов. Германия помогает аспирантам, пока те учатся, что делает аспирантуру в Германии привлекательной для талантливой молодежи всего мира. В Казахстане и России часть аспирантов платит за обучение, но очень мало. В большинстве стран, включая Великобританию и США, аспиранты приравниваются к студентам, в то время как в Германии, Нидерландах и ряде скандинавских стран они имеют статус сотрудников.

Последствия пандемии

Текущая пандемия отразилась на жизни всех студентов, в том числе аспирантов. Многие оказались лишены возможности заниматься своей работой, особенно те, кому нужен доступ к определенному оборудованию. Кому-то не хватает общения и поддержки

со стороны своих руководителей и кафедр. Те, кто в этом году только готовится выйти на рынок труда, оказались в чрезвычайно трудной и непредсказуемой ситуации. Отрицательные последствия пандемии, скорее всего, только усилятся: некоторые крупные американские вузы уже объявили, что не будут зачислять новых аспирантов в следующем учебном году, чтобы иметь возможность «сконцентрировать ресурсы на работе с уже имеющимися аспирантами». Вузам, безусловно, понадобится время, прежде чем они смогут в полном объеме возобновить выполнение своей функции по подготовке новых поколений ученых.

Африка: подготовка аспирантов и проблема ресурсообеспечения

Вондвосэн Тамрат и Гетнет Тизазу Фетене

Вондвосэн Тамрат — доцент и президент-учредитель Университета Св. Марии (Эфиопия), участник ПРОПНЕ (Программы изучения частного высшего образования). Также координирует субкластер по вопросам частного высшего образования Континентальной образовательной стратегии для Африки (CESA) Африканского союза.

E-mail: wondwosentamrat@gmail.com, preswond@smuc.edu.et.

Гетнет Тизазу Фетене — старший преподаватель социологии образования, кафедры планирования и управления образованием Аддис-Абебского университета (Эфиопия). E-mail: getnet.fetene@gmail.com.

Аспиранты вносят весомый вклад в развитие системы накопления знаний, и это общепризнанный факт. В Африке аспирантуре придается особое значение в силу того, что она играет ключевую роль в развитии экономики и науки и вносит существенный вклад в эти процессы. Вот почему связь между аспирантурой и ролью науки в развитии континента всегда подчеркивается и в общественных обсуждениях, и в программно-нормативных документах, и при разработке новых инициатив по поддержке высшего образования. Считается, что основные задачи, связанные с наращиванием научного потенциала и ускорением экономического развития на континенте, можно решить путем поддержки вузов, в которых есть программы магистратуры и в особенности аспирантуры.

Подобные представления популярны на всем континенте. Все признают ключевую роль аспирантуры в повышении качества высшего образования в Африке, что продиктовано необходимостью повышения качества профессорско-преподавательского состава, поскольку во многих вузах оно по-прежнему оставляет желать лучшего. Но, несмотря на усиление интереса к расширению программ аспирантуры, в Африке и в целом в странах с низкими доходами аспирантура отягощена множеством проблем.

Недавно мы провели исследование, чтобы изучить взгляды аспирантов на развернутые для поддержки аспирантуры программы финансирования и обеспечения ресурсами. И оказалось, что именно финансирование и ресурсы — основное препятствие на пути к успешному развитию аспирантуры в Аддис-Абебском университете — передовом университете Эфиопии и главным в стране поставщике новых научных кадров.

Наличие ресурсов

Наше исследование показало, что аспиранты недовольны нехваткой ресурсов и их низким качеством. Например, речь идет об информационно-коммуникационном и компьютерном оборудовании, помещениях для индивидуальных занятий или работы, библиотечных фондах и электронных информационных ресурсах, а также о лабораторном и клиническом оборудовании и прочих материальных ресурсах.

Аспиранты оценивают доступные ресурсы в целом очень низко, что не может не вызывать тревогу. Если говорить об отдельных категориях, то средняя оценка доступности лабораторного, клинического, студийного и прочего материального оборудования составила 1,65 (стандартное отклонение [SD]=0,99) из максимально возможных 5 баллов, а наличие помещений для индивидуальных занятий или работы респонденты оценили в среднем на 1,91 (SD=1,13). Иными словами, среди аспирантов, безусловно, сложился консенсус относительно нехватки ресурсов, что наверняка негативно влияет на процесс обучения.

Полученные нами результаты согласуются с выводами более ранних исследований, выявивших основные проблемы аспирантуры в эфиопских университетах: к ним относилось низкое качество имеющихся ресурсов и оборудования, нехватка лабораторных и учебных материалов, отсутствие помещений для самостоятельной работы аспирантов и т.д. Так же обстоят дела во многих других африканских странах, где увеличение приема в аспирантуру не сопровождалось улучшением ресурсообеспечения, что необходимо для повышения качества и эффективности аспирантуры.

Финансовая поддержка

Вопрос финансирования много лет остается для многих африканских стран главным барьером на пути к укреплению аспирантуры. Респонденты, участвовавшие в нашем исследовании, оценивали получаемую ими финансовую помощь и иные формы поддержки

как неудовлетворительные. Оценки (по шкале от 0 до 5) варьировались от 1,18 (SD=0,68) до 2,53 (SD=1,13). Так, хуже всего, по оценкам респондентов, дела обстоят с финансированием участия в конференциях и семинарах: 92% аспирантов оценили помощь в этой сфере как неудовлетворительную. Это, безусловно, основание для беспокойства, потому что подобная ситуация не просто негативно сказывается на процессе обучения, но и мешает аспирантам полноценно развивать исследовательские навыки.

Тяжелое финансовое положение аспирантов — привычный факт и одна из главных особенностей системы. Многие программы открываются, несмотря на отсутствие соответствующей подготовки и необходимых ресурсов. В части бюджета на поддержку аспирантуры до недавнего времени Аддис-Абебский университет тратил 25 тысяч эфиопских быров (781,23 доллара США) в расчете на одного студента в год. Понимая, что проведение исследований сопряжено с огромными расходами, руководство университета вынуждено было повысить бюджет за счет внутренних доходов и за счет внешнего финансирования, предоставляемого международными партнерами по развитию.

Тяжелое финансовое положение аспирантов — привычный факт и одна из главных особенностей системы.

Но проведенное нами исследование показало, что, несмотря на увеличение бюджета до 45 тысяч эфиопских быров (1406,25 доллара США) для аспирантов в сфере социальных и гуманитарных наук и до 60 тысяч эфиопских быров (1875 долларов США) для аспирантов, занимающихся естественными и техническими науками, сами студенты аспирантуры по-прежнему считают, что средств выделяет недостаточно. Один респондент описал ситуацию с финансированием так:

«Если предполагается, что аспиранты должны заниматься полезными для страны исследованиями, то они должны получать адекватную финансовую помощь. Однако текущий уровень финансирования очень низок. По моему опыту, мне не хватает даже на транспортные расходы. При этом предполагается, что в небезопасных регионах ты должен пользоваться самолетом. А бюджета на это нет. И те, кто занимается распределением средств, и те, кто их получает, отлично знают, что этих денег недостаточно. Я думаю, правительство это тоже понимает. Проблема в том, что оно не признает актуальность этого вопроса и не пытается исправить ситуацию».

Но еще хуже то, что из-за финансовых затруднений аспирантам зачастую приходится менять тему исследования и жертвовать качеством работы. Один из респондентов отметил:

«Зная, что денег от университета они получают немного, аспиранты пытаются подогнать тему диссертации под задачи и деятельность той или иной негосударственной организации, с тем чтобы получить какой-нибудь грант. Получается, что аспиранты занимаются не тем, что их действительно волнует, не задачами национального значения. Они занимаются исследованиями, чтобы перехватить какой-нибудь кусок гранта, который можно получить, подогнав свою тему под интересы потенциальных спонсоров».

Это указывает на то, что финансовые трудности университетов мешают наращивать исследовательскую продуктивность и ускорять экономическое развитие путем укрепления аспирантуры, хотя именно для этого ее и развивают. Региональные исследования приводят к схожим выводам. Большинство африканских стран слишком мало тратит на науку, инновации и развитие, что напрямую влияет на развитие программ подготовки аспирантов и на качество научных исследований.

Заключение

Учитывая обстоятельства, можно смело предположить, что ни то, как организован процесс подготовки аспирантов в Эфиопии, ни качество исследований не поможет достичь целей, которые ставятся перед аспирантскими программами, пока не будет усовершенствована национальная политика в этой сфере и не будут расширены выделяемые на науку ресурсы и другие механизмы поддержки. Это верно и для многих других стран континента, где, несмотря на все попытки расширить прием в аспирантуру, не уделяется практически никакого внимания соблюдению обязательных условий эффективной подготовки аспирантов. Дальнейшие усилия нужно будет направлять в первую очередь на решение текущих проблем, а не открывать новые программы аспирантуры, не обеспеченные соответствующим финансированием.

Снижение числа аспирантов в Японии: кризис как повод к инновациям?

Юкико Симми

Юкико Симми — старший преподаватель Центра глобального образования Института изучения передовых практик в высшем образовании, Университет Тохоку (Сендай, Япония). E-mail: shimmi@tohoku.ac.jp.

Ученых, имеющих степень PhD, принято считать локомотивом инноваций, и в наиболее развитых странах их становится все больше. По статистике ОЭСР, в 2010–2017 годах в США число защищенных диссертаций выросло с 57 407 до 71 042 в год, а в Великобритании — с 18 756 до 28 143. В Японии, напротив, наблюдался некоторый спад: с 15 867 до 15 674. Примечательно также, что, согласно статистике Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий (МЭХТ), число новых аспирантов в Японии достигло своего максимума в 2003 году (18 232 человека) и с тех пор тоже сокращалось, упав к 2019 году до 14 976 человек. Иностранцев аспирантов (большинство из них — представители других азиатских стран, в частности Китая) в 2003 году в Японии было 2643, а в 2019 году — 2664, то есть почти столько же. При этом их доля от общего числа аспирантов увеличилась за этот период с 14,5% до 17,8%. Таким образом, хотя присутствие иностранных аспирантов в японских вузах становится все заметнее, компенсировать за счет них отток местных студентов пока не удается.

Предпосылки и возможные причины

Одна из причин непопулярности аспирантуры у японской молодежи заключается в том, что, как считается, наличие степени PhD никак не помогает трудоустройству в японские компании. Более того, средняя зарплата обладателей степени PhD вовсе не обязательно выше средней зарплаты выпускников магистратуры. Для справки: вплоть до начала 1990-х годов основной задачей аспирантуры в японских вузах была подготовка будущих академических ученых и преподавателей. В 1991 году японские вузы в 2,5 раза расширили прием в аспирантуру. Это было сделано с целью подготовки высококвалифицированных профессионалов для внеакадемического рынка труда. Однако вследствие того, что раньше аспирантура всегда готовила будущие научные кадры, на рынке труда образовался дисбаланс: навыки, полученные выпускниками аспирантуры, не отвечали потребностям японских компаний. Как отмечали японские работодатели, участвовавшие в 2012 году в опросе, проводившемся Национальным

институтом научной политики (NISTEP), несмотря на наличие у обладателей степени PhD определенных специализированных знаний, у многих из них возникают трудности с применением полученных знаний и навыков для решения конкретных задач, которые ставит перед ними фирма. С этой проблемой сталкиваются и получившие степень PhD иностранцы, которые пытаются устроиться в японские компании.

Другой фактор, отбивающий у молодых японцев желание идти в аспирантуру, связан с тем, что академическая карьера больше не гарантирует никакой стабильности. Это стало особенно очевидно после объявленного в 2003 году сокращения бюджета национальных университетов. По данным NISTEP, среди ученых, защитившихся в 2012 году, лишь 60% удалось найти работу в университете или государственном научном институте. При этом более 60% из них взяли на временные должности без перспективы получения постоянного контракта и, более того, 70% из них получили контракт сроком менее трех лет. Зарплата сотрудников на временных должностях в среднем ниже, чем у постоянных сотрудников и чем у работников частных компаний.

Одна из причин непопулярности аспирантуры у японской молодежи заключается в том, что, как считается, наличие степени PhD никак не помогает трудоустройству в японские компании.

Из-за скоротечности контрактов молодые исследователи практически не могут заниматься темами, требующими долгосрочного внимания. Эта проблема касается и аспирантов-иностранцев. Они, согласно той же статистике, заинтересованы по большей части именно в академической работе. И после выпуска больше половины из них покидает Японию и трудоустраивается на родине.

Еще одна причина низкой привлекательности аспирантуры для молодых японцев — практически полное отсутствие финансовой поддержки. При этом некоторые аспиранты-иностранцы получают стипендию от МЭХТ, а многим иностранцам, самостоятельно ищущим источники финансирования, разрешается вообще не платить за обучение. По статистике МЭХТ за 2014 год, почти половина аспирантов не получала вообще никакой материальной поддержки во время

учебы. Самый масштабный фонд поддержки молодых ученых, а именно Японское общество содействия науке (JSPS), ежемесячно выплачивает аспирантам 200 тысяч иен (около 1900 долларов США), однако эту стипендию получает менее 5% аспирантов первого года обучения. А зарплаты научного ассистента или ассистента преподавателя в японском университете на жизнь не хватает. Для сравнения: в США (по данным опроса выпускников аспирантуры 2019 года) почти 80% аспирантов живет за счет зарплаты ассистента или стипендии того или иного рода.

Реакция правительства

В качестве одной из мер по повышению привлекательности аспирантуры для молодых японцев МЕХТ проводило в 2011–2019 годах Программу по поддержке передовых аспирантских школ. В рамках этого проекта на конкурсной основе было отобрано 62 пятилетние аспирантские программы в 33 университетах, и они получили гранты на разработку новых программ аспирантуры по подготовке новых лидеров, обладающих специализированными знаниями и готовых к работе в глобальном контексте как в академической среде, так и вне ее. К учащимся многих из этих программ приходили в качестве преподавателей представители частных компаний, поощрялось прохождение аспирантами практики на частных предприятиях и исследовательских стажировок за рубежом. По данным МЕХТ, на март 2018 года трудоустроено было 96,5% из 1846 человек, окончивших эти программы аспирантуры [учебный год в Японии завершается в марте. — Ред.]. Это выше, чем в среднем среди всех 15 658 выпускников аспирантуры того года (среди них доля трудоустроенных составляла 72,1%). Интересно также, что 42,6% выпускников программ, поддержанных МЕХТ, выбрали неакадемическую карьеру, устроившись в частные компании или в государственные организации, что тоже выше среднего (25,1%).

Казалось, что Программа по поддержке передовых аспирантских школ действительно помогла наладить связи между аспирантурой и трудоустройством вне академической среды, но одна из главных проблем всех правительственных инициатив последнего времени — в их краткосрочности. В 2018 году, за год до сворачивания описанной программы, был запущен другой похожий проект — «Первоклассная аспирантская школа», но он тоже краткосрочный и рассчитан всего на семь лет.

В конце января 2020 года Совет по науке, технологиям и инновациям обсуждал новые меры по повышению привлекательности аспирантуры, включая улучшение материальной поддержки аспирантов. В декабре 2020 года Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий объявило о планах выделить 7 тысячам аспирантов (это около 10% от всех аспирантов в стране) по 2,9 миллиона иен (около 28 тысяч долларов США), но подробностей пока нет. Зато уже известно, что данную форму помощи

планируется сделать постоянной, а это как раз то, что нужно, чтобы повысить привлекательность аспирантуры в Японии и развивать инновации в обществе и в промышленности.

Можно ли побороть коррупцию в академической среде?

Лиз Райзберг

*Лиз Райзберг — консультант по вопросам международного высшего образования и исследователь Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: reisberg@gmail.com.*

Коррупция существует практически во всех государственных и частных организациях и встречается во всех странах мира. Там, где люди могут извлечь для себя личную выгоду, практически неизбежно появляются те, кто прибегает к злоупотреблениям и нечестным образом использует имеющиеся возможности в своекорыстных целях, подрывая своими действиями целостность системы. И высшее образование тоже не застраховано от подобного. В 2020 году Комиссия Российской академии наук по противодействию фальсификации научных исследований [сообщила](#) о ретрагировании более 800 статей, опубликованных российскими учеными в научных журналах. Это вопиющий пример, иллюстрирующий серьезность и масштабы проблемы.

В книге *Corruption in Higher Education — Global Challenges and Responses* под редакцией Елены Денисовой-Шмидт авторы разных стран показывают, что коррупция в высшем образовании — это продукт плохо организованной системы, который появляется тогда, когда студенты и преподаватели не до конца понимают, что такое неэтичное поведение, и процветает, когда за него никак не наказывают или когда люди оказываются в трудной ситуации, выйти из которой можно, только «срезав путь», так как людей искушает наличие простого пути к личной выгоде. Отсутствие ясных границ между тем, что считать этичным, а что — неэтичным, а также непонимание условий, стимулирующих злоупотребления, затрудняет эффективную реализацию каких бы то ни было мер или процедур, призванных противодействовать академической коррупции.

Очевидно, что многие страны и вузы недостаточно делают для того, чтобы познакомить студентов

и профессорско-преподавательский состав с общепризнанными международными стандартами в сфере академической этики или объяснить им, почему эти стандарты так важны. Иногда люди совершают оплошность по незнанию, нечаянно, иногда они наблюдают, что другие ведут себя недобросовестно и что им за это ничего не бывает, и это, соответственно, способствует «нормализации» подобного поведения. И хотя некоторые варианты поведения очевидно неправильные, чтобы с ними разобраться, нужно сначала понять их причины. Стимулов к недобросовестному поведению зачастую довольно много, а последствий практически никаких.

Легкие пути и ложные стимулы

Пожалуй, один из главных выводов, которые можно сделать, прочитав вышеупомянутую книгу, состоит в том, что коррупцию невозможно побороть, просто наказывая отдельных людей, уличенных в неэтичном поведении. Во многих системах на структурном уровне заложены порочные стимулы, поощряющие неэтичное поведение и заставляющие людей закрывать на него глаза. Так дела обстоят в Армении, Литве, России и Украине, где преподаватели постоянно сталкиваются с дилеммой: закрывать глаза, к примеру, на списывание или же требовать отчисления студентов, за счет чьих денег вузы живут и, соответственно, оплачивают труд этих самых преподавателей.

Массовизация высшего образования, безусловно, только усугубила и без того существовавшие проблемы. Благодаря массовизации в вузы приходит больше студентов с недостаточным уровнем подготовки. В ситуации нехватки учебно-методического сопровождения появляются стимулы вести себя недобросовестно, чтобы добиться успеха. Благодаря этому развивается, например, написание работ на заказ: студенты покупают письменные работы и выдают их за свои собственные. Некоторые студенты вынуждены прибегать к такой практике из-за того, что им нужно работать. Такие эссе и рефераты легко найти онлайн. Фирмы, которые торгуют эссе и другими видами письменных работ, не церемонятся и нередко базируются непосредственно в вузах. Эти «фабрики» по написанию текстов удовлетворяют не только потребности покупателей (студентов), но и потребности авторов, пишущих эти работы. Например, выпускники вузов Кении нередко вынуждены подрабатывать продажей своих текстов в интернете, потому что найти нормальную работу в условиях слабой кенийской экономики очень трудно. И если правительство страны вдруг начнет принимать какие-то слаженные меры по борьбе с индустрией продажи письменных работ, то вскоре ему придется решать гораздо более объемную проблему — проблему безработицы.

Увеличение количества людей, имеющих вузовский диплом, привело к некоторому обесцениванию высшего образования. Во многих странах наличие диплома о высшем образовании уже стало базовым

требованием при приеме на работу, даже если речь идет о позициях, на самом деле не требующих каких-то продвинутых навыков. В результате сложился целый рыночный сегмент, обслуживающий людей, которым нужна просто корочка и которые не готовы тратить ни время, ни усилия на то, чтобы ее честно заработать. Таких людей очень привлекает идея, что можно просто купить любую нужную корочку, не тратя при этом практически никакого времени и вложив гораздо меньше денег, чем потребовалось бы на настоящее обучение. Несмотря на все усилия ЮНЕСКО и других организаций, создать всеобъемлющую базу учреждений, участвующих в такого рода мошенничестве, пока так и не удалось.

Коммерческие организации реагируют на потребности клиентов

Пока условия найма и карьерного роста в академической среде зависят от количества научных публикаций, люди будут продолжать пользоваться услугами издателей недобросовестных журналов. Именно с этим связано быстрое распространение подобных журналов, из-за чего к тому же все сложнее становится отличить недобросовестные журналы от настоящих. Все попытки создать черный список заходят в тупик из-за нехватки ресурсов, нужных для того, чтобы отсматривать многочисленные журналы.

Есть аналогичная проблема с конференциями. Устроители псевдонаучных конференций встречают позитивный отклик, в частности, со стороны начинающих ученых, которые хотят «прокачать» свое резюме, и со стороны тех, кому просто легко польстить: достаточно пригласить их выступить. Привлекательной выглядит и возможность получить у своего вуза грант на поездку, так что в псевдонаучных конференциях участвуют даже сотрудники элитных университетов. К сожалению, проводят такие мероприятия у себя самые разные вузы: для них это важный источник дохода.

Пока условия найма и карьерного роста в академической среде зависят от количества научных публикаций, люди будут продолжать пользоваться услугами издателей недобросовестных журналов.

Наконец, стоит упомянуть о предприимчивых посредниках, помогающих абитуриентам поступать в зарубежные вузы (чаще всего в австралийские, американские и британские). Хотя с этической точки зрения это практика «на грани» (в зависимости от того, чьи интересы считать более важными), у всех сторон мощные стимулы к участию в ней: для абитуриентов и их семей упрощается сложный процесс выбора в условиях изобилия вариантов; вузы получают платежеспособных студентов с минимальными затратами на их привлечение; а для агентств, выступающих в качестве посредников, это просто выгодный бизнес.

Меры борьбы

Чтобы изжить коррупцию в высшем образовании, потребуются усилия на множестве фронтов одновременно. Самое, пожалуй, главное — объяснить студентам и сотрудникам вузов, что такое академическая коррупция, и заняться искоренением подспудных факторов, побуждающих людей к неэтичному поведению. Если студенты не могут себе позволить полностью посвятить себя учебе, значит, нужны механизмы облегчения бремени финансовых трудностей. Студентов, вынужденных искать баланс между учебой и работой, которую они не могут себе позволить потерять, плагиат, к примеру, прельщает возможностью более эффективно распределить время. К тому же не всегда ясно, где проходит граница между финансовыми, профессиональными и академическими интересами чиновников, политиков и других людей, так или иначе влияющих на публичную политику. И пока мы не научимся выявлять и предотвращать конфликты интересов, коррупция продолжит процветать.

Одна из ключевых проблем, затронутых в вышеупомянутой книге лишь отчасти, вызвана используемыми способами оценки прогресса. Пока прогресс в учебе оценивается главным образом по результатам экзаменов и письменных работ, использование шпаргалок и новых технологий, сдача работ за других и покупка готовых эссе останутся востребованными среди тех, кому нужен определенный результат. Внедрение альтернативных способов оценки студентов могло бы помочь пресечь все эти недобросовестные практики в вузах. Аналогичным образом, пока успехи преподавателей тоже измеряются количественно, они по-прежнему будут задумываться о том, как обхитрить систему. Возможностей для злоупотреблений становится меньше, когда вузы больше ценят высокое качество преподавания.

Заключение

Вузам принадлежит основополагающая роль в подготовке высококвалифицированного человеческого капитала, необходимого в условиях современной инновационной экономики. Граждане всех стран вне зависимости от того, на какой ступени развития они находятся, должны быть уверены, что вузы

отстаивают высокие этические принципы и поддерживают высокое качество своей «продукции».

Читая книгу *Corruption in Higher Education — Global Challenges and Responses*, невозможно не подивиться изощренности, с которой появляются новые формы академической коррупции. Если бы этот созидательный пыл можно было бы направить в более этическое русло, каких новых успехов вузам мира удалось бы добиться!

Брать или не брать? Диссертация в Украине как инвестиция

Арарат Леонидович Осипян

Арарат Леонидович Осипян — сотрудник Института международного образования и Нового консорциума университетов в изгнании (США). E-mail: araratos@yahoo.com.

Во многих странах с доходами ниже среднего, включая коммунистические и бывшие коммунистические страны, переход к рыночной экономике тянется уже несколько десятков лет. И проводившиеся различными правительствами рыночные реформы во многих случаях провалились, хотя у властей было много времени на их реализацию. Многие из этих стран характеризуются по-прежнему почти полностью монополизированной, полуфеодальной экономикой, зачастую даже с преступными элементами, и высоким уровнем коррупции, что не способствует формированию высокоразвитых и конкурентных рынков. Впрочем, один очень специфический рынок выбивается из общей картины в силу необычности торгуемого товара. Речь идет о диссертациях. Покупатели такого товара участвуют в ослаблении национальной экономики, потому что на самом деле не обладают высокими профессиональными навыками. Когда диссертацию можно купить, наличие ученой степени перестает быть признаком высокого профессионализма. На международном уровне ценность таких степеней оказывается не ясна. Проблема покупных диссертаций стала вызывать беспокойство уже на мировом уровне.

Прогресс Украины в торговле диссертациями

Десять лет назад я проводил исследование *Economics of Corruption in Doctoral Education: The Dissertations Market*, которое было впоследствии опубликовано в *Economics of Education Review*. В ходе этого исследования

я обнаружил в России 169 организаций, которые предлагали за деньги написать диссертацию. В соседней Украине таких организаций тогда было всего 16. Через несколько лет я провел следующее исследование, *Let Me Write a Dissertation for You: The micro-level cost-benefit approach to doctoral degree fraud*, результаты которого были опубликованы в *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. К этому времени в Украине насчитывалось уже 46 организаций, торговавших диссертациями. Вдобавок к этому есть еще много отдельных исследователей (можно назвать их своего рода фрилансерами), готовых за достойное вознаграждение написать диссертацию. Это если мы говорим о предложении на рынке готовых диссертаций. Заказать диссертацию можно по любому направлению и на любую тему. Если же говорить о спросе, то он приходит главным образом со стороны аспирантов, членов профессорско-преподавательского состава и административных сотрудников вузов, практикующих врачей, чиновников, политиков и бизнесменов. И если для бизнесменов ученая степень — это вопрос престижа и репутации, то у остальных потенциальных клиентов есть очевидные экономические мотивы.

Когда диссертацию можно купить, наличие ученой степени перестает быть признаком высокого профессионализма.

Отложив морально-этические соображения в сторону

Результаты моих полевых исследований в Украине показывают, что этические соображения и принципы профессиональной этики не имеют никакого или практически никакого значения, когда человек раздумывает о покупке диссертации. Наоборот, он руководствуется в первую очередь материальными соображениями. Покупка диссертации — привлекательная для многих потенциальных клиентов долгосрочная инвестиция. Они оценивают альтернативные издержки, связанные с преподаванием и реальными научными исследованиями, которыми нужно заниматься, чтобы заработать ученую степень честным способом, учитывая при этом выгоду, которую можно извлечь в долгосрочной перспективе благодаря наличию ученой степени. Польза ученой степени сомнительна, если только вы не работаете в вузе или в научной организации, не являетесь врачом или чиновником, не занимаете общественную должность, не служите в армии или в правоохранительных органах или не планируете сделать карьеру в политике. В негосударственном секторе наличием

у сотрудников или предпринимателей ученой степени не придается большого значения вне зависимости от того, идет ли речь о крупном, среднем или малом бизнесе. Соответственно, фальшивые диссертации чаще всего встречаются в государственном секторе.

Расходы растут

В Украине по-прежнему действует двухступенчатая система ученых степеней: кандидат наук и доктор наук. И хотя первую недавно переименовали в PhD в соответствии с западным эквивалентом, по сути система практически не изменилась. Чтобы получить ученую степень, нужно подготовить и защитить диссертацию. Необходимо также наличие научных публикаций. И все это можно купить за деньги. В целом затраты на получение степени кандидата наук, включая собственно стоимость диссертации, научных публикаций и положительных отзывов, составляют около 5000 долларов США. Это расчет, основанный на средних минимальных (базовых) расценках, публикуемых организациями, работающими в этой сфере. Максимальная стоимость подобного пакета — около 19 000 долларов США, то есть почти в четыре раза выше средней базовой. Расценки на диссертацию доктора наук гораздо выше. Совокупные расходы на диссертацию, публикации и положительные отзывы составят около 25 000 долларов США. Цена максимального пакета — около 82 000 долларов США. А поскольку наличие кандидатской степени — обязательное требование для соискателей степени доктора наук, то итоговые расходы могут превышать 100 000 долларов США. Для большинства людей это неподъемные и непомерные деньги. Действительно, кто захочет потратить минимум 5000 долларов США на степень кандидата наук в стране, где простому доценту обычного государственного университета приходится выживать на 300 долларов в месяц, а то и меньше? Тем не менее существенный — с 16 до 46 — прирост числа организаций, занимающихся продажей диссертаций, может указывать на рост спроса на ученые степени.

В дополнение к вышеперечисленным расходам есть еще и другие, включая те, которые иногда называют прямыми затратами на коррупцию. Нет ничего необычного в том, что соискатели — особенно те, кто приходит с покупными диссертациями, — платят членам диссертационного совета за допуск к защите и за положительный голос. Неотъемлемой частью этой порочной традиции является организация пышного банкета и покупка подарков. Наконец, не стоит забывать о расходах на бумажную волокиту. Перед защитой диссертации и присуждением ученой степени нужно еще представить ряд обязательных документов в Министерство образования и науки. Все эти документы вам тоже могут подготовить — за деньги, конечно, — специалисты, тесно сотрудничающие с организациями, торгующими диссертациями. Вдобавок есть еще всякие другие, более мелкие расходы. За счет всего этого итоговая стоимость ученой степени оказывается

еще выше средних расценок, на которые опирался первичный анализ эффективности затрат.

Ученая степень окупается

Тем не менее выгода перевешивает издержки. Обладателям ученых степеней полагается существенно более высокая зарплата как в государственных, так и в частных вузах, а также на госслужбе. Преимущества также включают в себя возможность забраться выше в академической или бюрократической иерархии и более высокую пенсию. Не стоит забывать и о гарантиях занятости. По большому счету, наличие ученой степени — это своего рода профсоюзный билет, гарантирующий работу и обеспечивающий другие существенные, да еще и постоянно улучшающиеся льготы. Помимо прочего, таким образом сотрудники вузов и чиновники такой коррумпированной страны, как Украина, взятками обеспечивают себе незаконный доход в дополнение к официальной зарплате. И зачастую эти дополнительные незаконные доходы существенно превышают официальные. А наличие ученой степени и, соответственно, более высокая позиция в профессиональной иерархии позволяют их обладателю рассчитывать на еще более высокие незаконные доходы и на более широкие возможности для коррупции.

Подложные аффилиации и махинации с показателями эффективности вузов

Вивьен Бачелет

Вивьен Бачелет — доцент медицинского факультета Университета Сантьяго-де-Чили (Чили). E-mail: vivienne.bachelet@usach.cl.

В июне 2019 года, всего за пару дней до начавшихся 9 июня массовых демонстраций, в Гонконге состоялась VI Всемирная конференция по академической этике. Она проходила в Университете Гонконга, где собрались ученые со всего мира, юристы, журналисты, редакторы, специалисты по академической этике, чиновники и пр. Приехала и внушительная делегация из Китая, а среди главных докладчиков были выдающиеся представители Китайской Народной Республики.

Одна из ключевых пленарных сессий была посвящена роли фондов, распределяющих финансирование, в развитии этических исследовательских практик. Среди других спикеров был Цикунь Сюэ из Университета Цинхуа, который в общих чертах описал правила

и процедуры в сфере исследовательской этики, действующие в его вузе, занимающем согласно рейтингу *Times Higher Education* первое место в Китае и в Азии. После его выступления один из участников конференции бесцеремонно начал задавать ему вопросы о политике китайских университетов, предполагающей денежное премирование исследователей, публикующихся в журналах с высоким импакт-фактором. Этот участник был настроен довольно агрессивно, а предпосылкой к вопросу оказалась его убежденность в том, что сама идея вознаграждения исследователей за статьи противоречит академической этике. На что Цикунь Сюэ лаконично ответил, что его университет более десяти лет не платил ученым за научные статьи.

Денежное премирование за публикации

А плохо ли это вообще — платить ученым премию за каждую статью, опубликованную в журнале с высоким импакт-фактором, или за публикации в журналах, индексируемых базами Scopus и Web of Science (WoS)? До недавнего времени эта практика была очень распространена в Китае, пока ее не запретили. Да и не только в Китае — по большому счету, она существует во многих странах. В Чили почти все университеты выплачивают сотрудникам премию за опубликованные статьи, причем размер денежного стимула напрямую зависит от рейтинга журнала или реферативной базы (скажем, за статьи в журналах, индексируемых WoS, платят больше, чем за статьи, индексируемые Scopus).

Основной мотив подобной политики — стимулировать сотрудников вузов, прежде занимавшихся только преподаванием, заняться также наукой и писать статьи. Во многих странах с развивающейся экономикой и только формирующейся в рамках системы высшего образования исследовательской культурой рассматриваемая мера представляется достаточно простым инструментом повышения продуктивности ученых и, соответственно, укрепления позиций вузов в международных рейтингах, которые во многом опираются на данные таких баз, как WoS и Scopus. И хотя в западных академических кругах к подобной политике относятся с неодобрением и, более того, кое-кто считает, что она противоречит академической этике, многие полагают, что это просто довольно распространенный способ повышения продуктивности исследователей и, соответственно, улучшения репутации вузов, в которых они работают. Как бы там ни было, неотъемлемым объективным элементом рассматриваемой системы поощрения ученых является предоставление авторами публикаций сведений об их аффилиации.

Университеты покупают публикации?

Похоже, что для университетов, стремящихся улучшить свои позиции в международных рейтингах, денежное премирование как стимул к укреплению исследовательской культуры стало очередным способом

обхитрить систему. Повышение места вуза в рейтингах дает много плюсов, поскольку оно может способствовать росту популярности среди абитуриентов и, соответственно, доходов.

Чилийские университеты используют различные приемы для того, чтобы обхитрить систему. Например, вуз может попросить какого-нибудь наивного автора указать рядом со своим именем название этого самого вуза, при этом никак не участвуя в исследовании и не платя ничего автору. В Чили бывали случаи, когда частные коммерческие вузы связывались с иностранными исследователями и за деньги просили указать аффилиацию при подаче статей в журналы с высоким импакт-фактором, хотя сами авторы не имели к этим вузам никакого отношения.

Предлагаемые университетами денежные стимулы также привлекательны для независимых клинических исследователей, работающих, например, в клинических больницах. И пусть на самом деле автор аффилирован с клинической больницей, если ему заплатили, в его публикациях может вдруг появиться другая аффилиация. А простые преподаватели, работающие по совместительству в разных вузах, часто сравнивают «расценки» — ищут, где больше платят за статью. Или еще лучше: при подаче статьи они указывают аффилиацию с несколькими вузами одновременно и, соответственно, получают оплату от каждого из них. Университеты некоторых стран приглашают авторитетных ученых из западных вузов на различные почетные должности, иногда на контрактной основе, и предполагается, что в дальнейшем эти ученые будут указывать в своих статьях и новую аффилиацию.

Влияние на рейтинги

Таким образом, от аффилиации зависит довольно много, и ставки очень высоки. Рейтинги, системы аккредитации и контроля качества, конкуренция между университетами — все это привело к формированию культуры, где вуз, отказавшийся от участия в рейтинговой гонке, по умолчанию оказывается в проигрышном положении. Многие показатели, используемые при составлении рейтингов, трудно исправить быстро (например, количество нобелевских лауреатов), однако научная продуктивность (количество публикаций) не относится к таким параметрам. Множественная аффилиация встречается все чаще и, можно сказать, становится стандартной практикой в силу растущей интернационализации университетов и укрепления международного научного сотрудничества.

Так что нет ничего удивительного в том, что у большинства публикуемых статей, особенно в сфере биологических и медицинских наук, по несколько авторов, причем существенная их доля указывает более одной аффилиации. Далее, когда член коллектива авторов, отвечающий за переписку с издателями, отправляет текст на публикацию, он самостоятельно указывает академическую аффилиацию. Как ни

странно, никаких общепризнанных рекомендаций о том, как правильно указывать аффилиацию, не существует, и предполагается, что авторы сами принимают решение о том, какую или какие (в зависимости от того, что стоит на кону) аффилиации указать, руководствуясь здравым смыслом. Но можем ли мы быть уверены в правдивости указанных аффилиаций? Проверяют ли, например, издатели верность упомянутых в публикациях аффилиаций? Проводя исследование публикаций, где хотя бы один из соавторов являлся сотрудником какого-либо чилийского вуза, мы проверяли сведения, представленные авторами, указавшими множественную аффилиацию, и в 38% случаев мы не сумели найти подтверждение указанным сведениям, пользуясь данными из открытых источников.

Похоже, если не брать в расчет наше исследование, остальные представители профессионального сообщества, занимающегося вопросами академической и публикационной этики, не готовы проявлять никакого или практический никакого интереса к этому больному вопросу.

Когда количественные показатели становятся ключевым доводом, используемым для обоснования важных решений в сфере образовательной политики, принципиально важно, чтобы эти показатели рассчитывались на основе достоверных данных. Похоже, если не брать в расчет наше исследование, остальные представители профессионального сообщества, занимающегося вопросами академической и публикационной этики, не готовы проявлять никакого или практический никакого интереса к этому больному вопросу. Но если мировая система высшего образования продолжит использовать научные публикации как показатель оценки качества вузов, то она хотя бы должна сделать так, чтобы нельзя было заниматься махинациями. Иначе все это чревато серьезными последствиями. Так что в решении проблемы должны участвовать все стороны, включая университеты, рейтинговые агентства, журналы, фонды и профессиональные ассоциации, занимающиеся вопросами академической и публикационной этики.

Трагические события в бразильском высшем образовании

Марселу Кнобель и Фернанда Леал

Марселу Кнобель — ректор Государственного университета Кампинаса (Unicamp), профессор Института физики им. Глеба Ватагина (Бразилия). E-mail: knobel@ifi.unicamp.br.

Фернанда Леал — секретарь-референт проректора по развитию персонала и управлению кадрами Государственного университета Санта-Катарины (Бразилия), в недавнем прошлом — приглашенный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США). E-mail: fernanda.leal@ufsc.br.

В предыдущих статьях мы уже писали о важнейших изменениях в бразильском высшем образовании, произошедших после прихода к власти президента Жаира Болсонару в январе 2019 года. По сути, речь шла о скандалах, конфликтах и неопределенности, в которые погрузился сектор высшего образования: о сокращении субсидий на науку и снижении бюджетов государственных вузов; об идеологической предвзятости президента в отношении гуманитарных наук; о предложенной Министерством образования неолiberaлистской программе Future-se, которая предполагает одновременно усиление финансовой независимости федеральных государственных вузов и механизмов контроля над ними.

В текущей статье мы продолжаем размышления о том, что мы решили назвать «хронологией трагических событий»: мы предлагаем краткий обзор событий, произошедших в бразильском высшем образовании начиная с сентября 2019 года. Они наглядно показывают, что федеральное правительство постоянно посягает на автономию университетов, хотя сектор государственного высшего образования проявил себя как ключевая сила в борьбе с продолжающейся пандемией COVID-19.

И снова скандалы, конфликты и неопределенность

Одним из наиболее заметных последствий политики Болсонару в области высшего образования стала дестабилизация сектора. Многие из его решений спускались сверху вниз, без какого бы то ни было диалога с представителями университетов и профессиональных ассоциаций, что вызвало серьезное сопротивление со стороны сектора и даже привело к отмене или отсрочке запуска некоторых инициатив.

В июле 2020 года Болсонару в третий раз назначил нового министра образования. Долгие всех в этой должности при Болсонару продержался второй министр, Абрахам Вайнтрауб, который возглавлял Министерство образования с апреля 2019 года по июнь 2020-го и оставил после себя крайне негативные воспоминания. Вайнтраубу пришлось уйти в отставку из-за идеологических взглядов и враждебного отношения к государственным университетам и работающим в них ученым. Он зашел так далеко в открытой неприязни к ним, что даже Болсонару больше не мог его оправдывать и держать на посту министра. Самый, пожалуй, вопиющий инцидент произошел в июне 2020 года, когда Вайнтрауб пришел на небольшую проправительственную демонстрацию без защитной маски, и это в разгар одной из крупнейших мировых бед нашего времени в сфере здравоохранения. Он поприветствовал демонстрантов и заявил: «Мне не нужны новые социологи и антропологи, я не хочу, чтобы философы получали мои деньги».

Предполагалось, что Вайнтрауба сменит экономист Карлос Алберту Декотелли. Но в итоге он так и не получил пост министра из-за обнаружившихся несоответствий в его документах об образовании, в частности из-за недостоверной информации и подозрений в плагиате. В июле министерство возглавил пастор пресвитерианской церкви Милтон Рибейру. Это назначение тоже было встречено с тревогой, поскольку Рибейру публично заявлял, что гомосексуальность — это «выбор», обусловленный «образованием и ценностями». В целом новый министр ведет себя чрезвычайно сдержанно, но, к сожалению, положение дел в высшем образовании и науке пока никак не улучшается.

Новые бюджетные ограничения

Правительство президента Болсонару последовательно сокращает бюджет на науку и на поддержку государственных вузов, и в 2021 году ожидаются новые ограничения. В начале 2020 года федеральный Координационный совет по повышению квалификации сотрудников высшей школы (Capes) обновил правила распределения исследовательских грантов для аспирантов: отныне приоритет отдается техническим областям. А другое федеральное агентство — Национальный совет по научно-техническому развитию (CNPq) — вообще исключило гуманитарные и социальные науки из перечня приоритетных исследовательских направлений, которые будут получать финансирование в 2020–2023 годах. В оправдание этих решений утверждается, что они приняты в интересах «ускорения экономического и социального развития страны».

Capes и CNPq — крупнейшие фонды по поддержке науки в Бразилии. Capes также отвечает за контроль и аккредитацию программ магистратуры и аспирантуры, так что введение ограничений на распределение финансирования и выделение нескольких «приоритетных областей» угрожает не только будущему

многих научных направлений, но и академической свободе в целом, что может повлечь за собой серьезные последствия с точки зрения развития критического мышления в стране.

Последовательные бюджетные ограничения последних лет в этом году снова продолжатся: ожидается, что бюджет федеральных вузов на дискреционные расходы (различные выплаты, инвестиции, финансовая помощь студентам) сократят в 2021 году еще на 18% (примерно 185 миллионов долларов США). Ситуация усугубится из-за того, что в ноябре 2020 года был одобрен проект, предполагающий перераспределение бюджета между министерствами: вместо Министерства образования сумму, эквивалентную примерно 260 миллионам долларов США, получит Министерство инфраструктуры и регионального развития. Это, как пишут представители Ассоциаций федеральных вузов, негативно отразится на качестве преподавания, науки и просветительской деятельности вузов и, соответственно, напрямую скажется на жизни всего бразильского общества.

Автономия вузов снова под угрозой

После того как подавляющее большинство федеральных вузов отказалось от участия в программе Future-se, правительство стало думать, как по-другому вмешаться в систему управления вузами. В июне прошлого года президент решил ввести новое временное правило: если четырехлетний ректорский срок истекает во время пандемии COVID-19, то Министерство образования может самостоятельно назначить нового ректора в обход устоявшейся и признанной традиции выборов, на которых голосовать могут все сотрудники и студенты. Учитывая, что правительство не выражает практически никакой обеспокоенности по поводу пандемии COVID-19, объявленная президентом мера явно была нужна для ограничения автономии вузов. Утверждение, что проводить выборы ректора в условиях пандемии невозможно, просто абсурдно: вузы успешно продолжают свою работу, по большей части в удаленном режиме, а современные технологии вполне позволяют провести безопасное удаленное голосование. К счастью, сенат отменил решение президента, так как оно противоречит бразильской конституции.

Согласно конституции, первый этап выборов нового ректора — это внутривузовское голосование. Затем ученый совет направляет президенту страны список из трех наиболее популярных кандидатов. С тех пор как в Бразилии вновь установилась демократия, сложилась практика, согласно которой президент — в знак уважения к мнению академического сообщества — назначает первого человека из поданного ему списка. С момента прихода Болсонару к власти в начале 2019 года выборы ректоров прошли в 27 университетах, и в 10 случаях президент отошел от сложившейся традиции и пренебрег мнением людей. В одном случае он даже назначил собственного кандидата, которого вообще не было в поданном ему списке. И хотя

формально глава государства действительно не обязан учитывать результаты внутриуниверситетских выборов, но, соглашаясь с выбором академического сообщества, президент таким образом выказывает уважение автономии вузов, серьезно пострадавших в условиях военной диктатуры от отсутствия демократии. Когда управление такой сложной организацией, как университет, оказывается в руках человека, получившего эту должность не в результате выборов, это только усиливает напряжение в академическом сообществе.

Обеспокоенность вызывают также планы федерального правительства навсегда сделать дистанционное образование нормой в федеральных вузах. В октябре президент созвал две рабочие группы, которые должны разработать стратегии по реализации этих планов. Из-за пандемии COVID-19 вузам пришлось срочно искать способы, как организовать дистанционное обучение, но это были, конечно, чрезвычайные меры. По-прежнему не решены проблемы качества такого образования и отсутствия у части студентов доступа к необходимым технологиям. Эти проблемы требуют открытого обсуждения на уровне вузов и профильных общественных институтов. Доступность государственного высшего образования в последние годы повысилась: в вузах стало больше студентов из семей с низкими доходами. Так что нельзя сбрасывать со счетов риски, связанные с цифровым неравенством, которое может только усугубиться, если дистанционное обучение станет нормой. Прежде чем планировать такие масштабные изменения, нужно дать вузам возможность оценить и минимизировать потенциальные негативные последствия для качества и доступности высшего образования.

...их голоса должны быть слышны, чтобы хоть как-то уравновесить распространяемые администрацией Болсонару утверждения о том, что коронавирус не представляет никакой серьезной проблемы, а «наука — это все выдумки».

Как ни парадоксально, несмотря на печальные события последних лет, можно сказать, что в текущий момент перед государственной системой высшего образования открылась возможность лишней раз

подтвердить свою ценность для общества, вступив с ним в более тесный контакт. Если раньше вузы постоянно подвергались в прессе неустанной критике, то в условиях пандемии СМИ наконец стали давать слово ученым и подчеркивать роль науки в решении ключевых общественных проблем, например в борьбе с новым вирусом. Государственные вузы отвечают за 95% всей науки в стране, и их голоса должны быть слышны, чтобы хоть как-то уравновесить распространяемые администрацией Болсонару утверждения о том, что коронавирус не представляет никакой серьезной проблемы, а «наука — это все выдумки». Попытки властей заткнуть ученых рот и взять университеты под контроль не только ставят под удар демократию, развитие и социальное благополучие всей страны, но и дискредитируют все успехи, достигнутые благодаря укреплению автономии вузов и академической свободы во всем мире.

Французские университеты и международные рейтинги

Людовик Хаймен

Людовик Хаймен — доцент Международного центра по управлению высшим образованием при Школе менеджмента Университета Бата, научный сотрудник отделения наук об образовании Оксфордского университета (Великобритания). E-mail: lah26@bath.ac.uk.

Французская система высшего образования — особая в своем роде; ее называют раздробленной, стратифицированной, неоднородной. Последние пару десятилетий Франция занимается рационализацией своей системы высшего образования из-за того, что вузы не оправдали общественных ожиданий и не блещут в международных рейтингах. Чтобы исправить положение, государство запустило реформы, направленные на преодоление разрыва между *grandes écoles* и университетами, а также на то, чтобы возродить былую славу старых университетов. Чтобы понять, почему Франции оказалось так сложно создать сильные университеты и почему сама эта идея долгое время казалась французским политикам и ученым чуждой, нужно для начала ненадолго погрузиться в историю.

От республики факультетов к республике университетов?

Великая французская революция привела к ликвидации всех существовавших в стране университетов, многие из которых были созданы по воле Папы Римского (включая Университет Монпелье, основанный в 1289 году, Университет Гренобля, основанный в 1339 году, и т.д.). В 1806 году вместо них был создан единый централизованный национальный институт, известный как Императорский университет, или Университет Франции, или просто *l'Université*. Он подчинялся великому магистру, или министру по делам факультетов, который обладал заметной властью над вновь созданными факультетами (включая факультеты теологии, права, медицины, гуманитарных и естественных наук). Все эти факультеты развивались независимо друг от друга, и единственным объединяющим фактором было то, что все они находились под эгидой Университета Франции.

Параллельно с этим были созданы *grandes écoles*, целью которых была подготовка требовавшихся стране профессионалов практических специальностей — инженеров, военных. Так появился новый тип институтов, через которые прошла большая доля представителей французской элиты, что отличает Францию от других европейских стран, где подготовка элит шла в университетском секторе. Несмотря на создание Берлинского университета в 1810 году, гумбольдтовская модель не вызвала во Франции интереса. Объединение располагавшихся в одном городе отдельных факультетов в единое учебное заведение началось во Франции лишь в 1896 году. Впрочем, ущерб высшему образованию уже был нанесен: деканы в силу своей влияния могли задавать факультетам такую динамику, которая была способна задавить любую централизованную инициативу университетского уровня, что привело к формированию так называемой республики факультетов.

В 1968 году под влиянием французских профессоров и ученых, восхищавшихся американской моделью высшего образования, был принят так называемый закон Фора (*loi Faure*), изначальной задачей которого было создание автономных многопрофильных исследовательских университетов, которые бы сами отвечали за административные вопросы, бюджетирование и свою образовательную программу. Но преодолеть традиции, сложившиеся в условиях республики факультетов, оказалось чрезвычайно сложно, хотя правительству и удалось добиться некоторых успехов в создании многопрофильных университетов в малых и средних городах. В крупных же городах (включая столицу) разорвать давно сложившиеся дисциплинарные и политические альянсы не удалось, что привело к созданию «университетов» вокруг одного-двух связанных между собой дисциплинарных направлений — иными словами, вокруг бывших факультетов.

Стимул к реформам

Публикация в 2003 году первого мирового рейтинга университетов, а именно ARWU (он же Шанхайский рейтинг), привела к явлению, ставшему во Франции известным под названием «шанхайский удар». Все пришли в глубокое замешательство из-за довольно низких результатов французских вузов. Представители элит были особенно потрясены плохими результатами своих родных вузов — престижных *grandes écoles*, многие из которых оказались в рейтинге даже ниже университетов. Стало понятно, что результаты рейтингов отрицательно сказываются на привлекательности французского высшего образования и препятствуют повышению конкурентоспособности французской инновационной экономики.

Поначалу истеблишмент вообще не понимал, как узкоспециализированные университеты могли бы выиграть от слияний с целью создания многопрофильных учебных заведений, настолько глубоко укоренилось разделение дисциплин в умах представителей академического сообщества (и студентов). И все это происходило на фоне отсутствия интереса со стороны правящих элит, большинство представителей которых — выпускники *grandes écoles*. Тем не менее распространение рейтингов и рост популярности новой глобальной модели (EGM) исследовательского университета положили конец царившему ранее безразличию, в результате чего представителям французского академического сообщества и руководству вузов пришлось пересмотреть свои прежние представления.

Поддерживая «лучших»: программы повышения качества

Стартовавшая в 2010 году «Инициатива по повышению качества (IDEX)», нацеленная на развитие в стране 5–10 университетов мирового класса, привела к глубинным структурным изменениям и оказалась гораздо эффективнее предшествовавшей инициативы Plan Campus, хотя бы благодаря огромному бюджету и целенаправленным мерам по дифференциации университетского сектора. Новая инициатива ознаменовала заметное отступление от старого политического курса, отрицавшего наличие каких бы то ни было различий между вузами с точки зрения их статуса и качества или даже различий внутри отдельных формальных категорий вузов. Традиционно довольно «плоская» структура французского университетского сектора приготовилась к серьезной вертикальной дифференциации. Участия в престижной программе IDEX удостоились 10 университетов и консорциумов, расположенных в Бордо, Гренобле, Лионе, Ницце, Париже, Страсбурге, а также в Экс-ан-Провансе и Марселе, благодаря чему эти вузы получили разрешение правительства позиционировать себя как ведущие исследовательские университеты Франции.

Предполагалось, что инициатива IDEX даст необходимый толчок к завершению запущенных ранее

процессов по структурной консолидации сектора (в 2007 году были созданы образовательные центры, которые тогда назывались «узловыми точками науки и высшего образования» — по-французски *rôles de recherche et d'enseignement supérieur* (сокращенно PRES). В 2013 году они были упразднены, а им на смену пришли *communautés d'universités et établissements* (сокращенно COMUE) — «консорциумы университетов и вузов»). В рамках новой программы идет укрепление крупных многопрофильных исследовательских центров — либо путем слияния *grandes écoles* с университетами, либо путем объединения узкоспециализированных университетов, расположенных в одном и том же городе. В результате одного из крупнейших слияний, которое завершилось в 2019 году, был создан Университет Париж-Сакле, сразу занявший 14-е место в мире (рейтинг ARWU за 2020 год); Университет Париж Сьянс Леттр (PSL) и Сорбонна сумели войти в топ-40 того же рейтинга, а Парижский университет и Университет Гренобль-Альпы — в верхнюю сотню.

В результате одного из крупнейших слияний, которое завершилось в 2019 году, был создан Университет Париж-Сакле, сразу занявший 14-е место в мире.

Заключение

Если учитывать такую травматичную историю, становится понятно, почему французским университетам трудно самостоятельно встать на ноги. Французская система высшего образования достаточно пострадала из-за своего провинциализма и самопровозглашенного разделения на, с одной стороны, крупные университеты, принимающие без конкурса и обслуживающие большинство студентов, а с другой — маленькие, предоставляющие элитное профессиональное образование и тщательно отбирающие абитуриентов *grandes écoles*, чьи выпускники впоследствии занимают ключевые должности как в государственном, так и в частном секторе.

Нет ничего странного в том, что наиболее высоких мест в международных рейтингах добились те французские университеты, которым удалось преодолеть характерную для французской системы высшего образования раздробленность и которые вобрали в себя все лучшее от обеих сторон, то есть и от университетского сектора, и от *grandes écoles*. Не стоит думать, что

качество французских вузов вдруг как-то резко возросло — оно всегда было высоким. Просто несколькими сменявшим друг друга правительствам наконец удалось провести реформу системы высшего образования таким образом, чтобы она стала лучше вписываться в глобальную систему и смогла подстроиться под общепринятые нормы и концепции, связанные с университетами мирового класса и набирающей все большую популярность EGM.

Нам еще только предстоит увидеть последствия этой вертикальной стратификации, в частности посмотреть, как она повлияет на доступность высшего образования и на поведение абитуриентов. Реабилитация университета как ведущей формы организации высшего образования и науки, существующей за счет государства, говорит о том, что власти Франции и высшее руководство французских вузов наконец признали ставшие мировыми стандартами организации университетов, в основу которых легла гумбольдтовская модель и EGM.

.....

Нирвана еще не наступила: последствия американских выборов для международного высшего образования

Филип Альтбах и Ханс де Вит

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Ханс де Вит — заслуженный профессор и заслуженный член Центра.
E-mail: dewit@bc.edu.*

Многие в мире высшего образования, причем не только в США, счастливы, что Дональд Трамп скоро сложит свои полномочия. Его уход повлечет за собой скорее положительные изменения не только для США, но и для международного высшего образования в целом. Но не стоит думать, что с трампизмом на этом покончено. Популизм и национализм, примером которых служила политика Трампа, остаются частью

американских реалий, равно как и реалий многих других стран. Противостояние между антиинтернационалистами, противниками иммиграции и людьми, отрицающими изменения климата, с одной стороны и сторонниками международного сотрудничества как одного из ключевых инструментов решения проблем локального и глобального масштаба с другой стороны сейчас обострилось как никогда, и не только в США, но и в остальном мире.

Быстрые перемены

Конечно, американское академическое сообщество продолжало поддерживать международные связи и во время президентства Трампа, но его заявления и политика его администрации оказали огромное негативное воздействие на высшее образование.

Среди принятых Трампом мер, которые наверняка скоро получат обратный ход, — ограничения на выдачу виз, некоторые элементы запрета на въезд мусульман, ограничения срока действия студенческих виз, строгие правила выдачи разрешений типа OPT и виз типа H-1B и т.д. Наверняка вернутся прежние подходы к найму постдоков. Иностранцам, окончившим американские вузы, станет легче получить грин-карту. Будет возобновлена программа DACA («Отложенные меры в отношении детей-иммигрантов»), которая пусть и не затрагивает международное высшее образование напрямую, но обеспечит защиту 643 тысячам иммигрантов. Больше ничего не угрожает программам обмена типа Фулбрайта, финансирование которой было сокращено и само существование которой оказалось под вопросом. Хочется надеяться, что представители различных партий наконец перестанут политизировать вопросы, связанные с международными инициативами.

В целом государственная политика США в сфере международного высшего образования, скорее всего, вернется к нормам дотрамповских времен. Но из-за продолжающейся пандемии COVID-19 и связанных с ней финансовых и экономических трудностей ожидать запуска новых инициатив не стоит. Учитывая решительные заявления избранного вице-президента Камалы Харрис, можно рассчитывать, что такие темы, как расизм и неравенство в высшем образовании, в частности в сфере обучения за рубежом и управления международными студенческими потоками, снова привлекут к себе внимание. Однако решить эти проблемы будет непросто в силу их системного характера.

Тенденции

В целом вступление в должность президента Байдена ознаменует для США существенную смену тона и сдвиг в сторону укрепления международного сотрудничества в сфере науки и образования, а также будет способствовать пересмотру драконовских мер, от которых пострадали иностранные студенты и ученые и международные связи. Впрочем, можно только

гадать, удастся ли вообще компенсировать тот огромный ущерб, который был нанесен международной репутации США за последние четыре года. По крайней мере можно утверждать, что при Байдене состояние международного высшего образования станет менее удручающим, чем при Трампе, что уже само по себе повод порадоваться.

.....

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

105

Зима

2021

